

МОЛОТ ВЕДЬМ

**Генрих Крамер
Яков Шпренгер
Молот ведьм**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377645

Молот ведьм / Яков Шпренгер, Генрих Крамер ; [пер. с лат. Н. Цветкова].: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-52139-5

Аннотация

Этот любопытный исторический документ был составлен доминиканскими монахами Якобом Шпренгером и Генрихом Крамером в качестве пособия для коллег по инквизиционному цеху. Как распознать и выследить ведьму, как проводить «допросы третьей степени» и вести делопроизводство – со ссылками на авторитетные источники от Аристотеля до Иоанна Златоуста и более чем занятыми случаями из практики. Знаменитый трактат XV века по демонологии сегодня читается легко и с интересом.

Содержание

С. Лозинский	4
Часть первая. О трех силах, составляющих колдовство, а именно: о дьяволе, о колдуне и о божьем поущении	51
Вопрос первый	51
Второй вопрос	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Яков Шпренгер, Генрих Крамер Молот ведьм

С. Лозинский

Предисловие. Роковая книга средневековья

Известный богослов II века Ириней, автор влиятельного сочинения «Пять книг против ересей», был, по-видимому, первым христианским писателем, пытавшимся установить правовое отношение между богом и Христом с одной стороны и дьяволом – с другой.

По учению Иринейя, дьявол получил право власти над человеком в тот момент, когда человек под влиянием обольщения и искушения нарушил божеские предписания и совершил грех. Разумеется, обольщение и вовлечение человека в грех являются преступлением дьявола, насильственно вмешавшегося в сотворенную богом область, но раз человек добровольно дал себя обольстить и отошел от бога, дьявол получил *полное право господства над человеком*. Бог мог бы лишить дьявола плодов его преступного вмешательства, но по своей неизреченной справедливости он этого не делал и предоставил дьяволу право на уже раз обольстившегося человека. Это право должно было быть отнято у дьявола человеком, который таким же добровольным путем освободил бы себя от обольстительной силы дьявола и тем лишил бы последнего права господства над человеком. Так было бы восстановлено первоначальное правовое отношение между тварью и ее творцом, и дьявол был бы побежден и более не обладал бы властью над человеком.

Но добровольное освобождение из-под власти дьявола превосходит-де силы человека, и вступился Спаситель, который должен был быть человеком, так как добровольное освобождение человека должно было идти по пути права, законного возвращения человека из-под власти дьявола в лоно божества. Но Спаситель должен был быть больше, чем человек, так как дело шло о том, что превосходит человеческие силы. Дьявол мог быть побежден лишь совершенным, абсолютным повиновением Иисуса: из-за греха одного человека все люди стали греховны, а в силу совершенного повиновения одного все люди очистились от греха. Смертью Спасителя люди освободились от власти дьявола и последний был пленен. Но дьявол совершил ошибку: он принял Христа, который был безгрешен, за греховного человека, и впадение в эту ошибку привело дьявола к поражению. Так как дьявол первоначально не имел права на человека, то Иисус, собственно, вернул творцу то, что ему принадлежало с самого начала.

Правовая теория Иринейя (ум. в 202 г.) нашла энергичного и неутомимого защитника в лице Оригена (ум. в 254 г.), доказывавшего, что дьявол был обманут Спасителем. Получив в силу греха власть над человеком, дьявол мог вернуть ее лишь взамен какого-либо возмездия, эквивалента; таковым была кровь Спасителя. Так смерть Спасителя стала средством уничтожить силу дьявола: человечность во Христе была приманкой, на которую оказался так падок дьявол, и он, подобно крысе, попал в мышеловку. Не заметив божественной силы Христа, скрывавшейся под человеческой оболочкой, дьявол проглотил вместе с мясом и ангельскую божественность, и богослов Григорий Назианзин (ум. в 390 г.) радуется, что дьявол остался в дураках. Стремясь за мнимо смертным, дьявол, по словам папы Григория Великого (см. его объяснения в книге Иова, так назыв. *Mogalia*), потерял тех смертных, которые были в его власти: «так гонишься за тенью и теряешь наличие». Ту же мысль подробно развивал в сочинении «Точное изложение православной веры» крупнейший представитель греческой церкви VIII века Иоанн Дамаскин. По его словам, дьявол был побежден потому, что вынуж-

ден был изрыгнуть раз проглоченное, когда он почуял запах непогрешимого животворящего тела. И вплоть до Петра Ломбардского (ум. в 1164 г.), изображающего искупителя на кресте в виде мышеловки, церковные проповедники и писатели варьируют на разные лады основную мысль Иринея о потере дьяволом дальнейшего господства над людьми и об искуплении, как об освобождении человека из-под власти дьявола.

Какие глубокие корни пустила эта теория об обманутом Христом дьяволе, можно видеть, например, из того, что даже в XV веке в Германии вышла книга из кругов, близких Маркионитским общинам, являвшаяся как бы правовым диспутом между Христом и дьяволом на тему о праве власти того и другого над людьми. Книга озаглавлена: «Ein Gerichtzhandel zwischen Belial hellishen Verweser, als Hager einen Tail, und Jesus Christus himmlischen Gott Antworte» («Правовой спор между Белиалом, управляющим преисподней, в качестве жалобщика с одной стороны, и Иисусом Христом, небесным богом, ответчиком с другой стороны...») Страсбург, 1484).

Так Иринея ввел дьявола в церковную догматику, определив ему в ней точное место. Иринею же принадлежит и ясно выраженная мысль о том, что дьявол создан подобно другим ангелам, что он по природе своей добр, обладает свободной волей и мог бы творить одинаково доброе и злое, но по собственной воле и вине стал злым и творит одно лишь злое. Он «злоупотребил» своею свободой ввиду присущих ему гордыни, надменности и чванства, а также в немалой степени зависти за эти свойства он, по словам Оригена, был низринут с неба на землю и превратился в своего рода падшего ангела. Особенно сильно разгорелась его зависть, когда он убедился, что у Адама и Евы имеются дети; он увлек поэтому Каина на убийство брата, любезного богу, и благодаря этому стал родоначальником смерти, продолжающейся и ныне. Кроме указанных свойств, на падение дьявола с неба влияла еще и его непомерная похоть, причина падения столь многочисленных ангелов, гнавшихся за дочерьми смертных. От сожительства с ними падших ангелов произошли «недостойные небожительства» демоны, помощники и сотрудники дьявола, рыскающие по свету и причиняющие людям много зла. По словам Иринея, падение дьявола произошло в период между сотворением человека и его искуплением, причем падший ангел телесен, хотя тело его «менее физически» обычного человеческого тела.

По убеждению богослова II века Татиана, тело дьявола и демонов состоит из воздуха или огня. Будучи «почти телесными», дьявол и его помощники нуждаются в пище, и Ориген утверждает, что они «жадно глотают» жертвенный дым. Они умственно и физически богаче одарены, нежели обыкновенный смертный, и ошибочно предполагать, учит Татиан, что они – души умерших. На основании расположения и движения звезд они предвидят будущее, а также обладают потаенными знаниями, которые охотно открывают женщинам.

Последнее положение подчеркивается Климентом Александрийским, великим учителем церкви конца II века в его сочинении «Строматы» (Разноцветные ковры).

Наравне с падшими ангелами, армию дьявола составляли языческие божества древнего мира, превратившиеся в процессе развития христианства в презренных и коварных демонов. Подобно тому, как в Персии при переходе от старого язычества доисторических иранцев к религии Зороастра прежние боги, носившие имя «дева», стали дьяволами, подданными губительного Аримана, и их культ был запрещен, а самое имя «дева» стало употребляться для наименования дьявола, точно так же греко-римские божества, как и слово «даймон», некогда обозначавшее божество, были низведены торжествовавшим христианством с божественного пьедестала и низринуты в пучину дьявольской преисподней.

Для христиан бывшие боги стали дьяволом и демонами, т. е. превзойденными божествами, не поспевающими за колесницей истории, богами отсталыми, богами прошлого, мнимыми и ложными богами и, как всякие пережитки, они потеряли свою божественность и превратились в ее противоположность. «Для всех отцов церкви первых трех веков, – пишет

Сольдан, – не было сомнения, что боги греков и римлян были демонами... это *их* голос звучал в оракулах; это они вникали в птиц и животных, в храмовые статуи» и т. д.

Но христианин может заставить дьявола и демонов, этот хлам древнего мира, сознаться, что они вовсе не боги, а лишь *мертвые боги, реально, однако, существующие*.

Недаром они проявляют себя в своем старом образе и в христианском мире.

Так, знаменитый турецкий епископ св. Мартин, живший в IV веке, часто видел демонов в образе Юпитера, Меркурия, Венеры и Минервы; гораздо позже, через несколько столетий, епископ Райнальдо из Ночеры беседовал с демоном, явившимся к нему в лице Юпитера, а также Бахуса и Венеры. Точно так же ученый XIII века Вильгардо из Равенны имел случай столкнуться с ушедшими в область преданий богами, ставшими ныне дьяволами; однажды они предстали перед ним в образе любимых Вильгардо писателей древности – Вергилия, Горация и Ювенала. Греко-римское происхождение дьявола побудило однажды Ермолая Барбаро, умершего в 1493 году патриархом Аквилеи, обратиться к дьяволу с просьбой разъяснить ему, что означает аристотелевский термин «энтелехия».

Осведомленность дьявола должна была быть, по мнению целого ряда богословов Средневековья, крайне обширной, ибо вся древняя премудрость, по сути своей ложная, но крайне разнообразная и поражающая своей пестротой, является детищем этих ныне превзойденных и ставших дьяволами богов. И не только в древней науке эти дьяволы сильны и опытны; они создали и всю материальную культуру древности и, следовательно, являются удивительно ловкими мастерами, зодчими и художниками.

Отсюда – необыкновенные способности черта, дьявола.

Это им была построена в царствование императора Адриана стена между Англией и Шотландией; ему принадлежит необыкновенная постройка моста в Шелленене (Швейцария); это он соорудил мост через Дунай в Регенсбурге, через Рону при Авиньоне и т. д. Его искусство в этом отношении так велико, что он вступил в состязание с архангелом Михаилом в деле сооружения в Нормандии самой красивой церкви. Мало того, из «Легенд веков» Виктора Гюго известно, что дьявол стал спорить с самим богом, кому из них удастся создать самую красивую в мире вещь. И в то время, как дьявол, засучив рукава, стал в своей кузнице ковать прекраснейшую вещь, бог из паука создал солнце, и дьявол был посрамлен. «Мертвый» бог, бог отошедшего прошлого, поганый бог, конечно, мог быть только побежден настоящим, действительным, живым богом.

Однако, будучи всезнающей и всесторонним искусником, дьявол все свое внимание и все свои необыкновенные способности сосредоточивает на том, чтобы как можно больше вредить человечеству, как можно сильнее ударить по людям, как можно глубже подорвать власть бога над людьми и подчинить их своей сатанинской власти. В этом отношении нет различия между происхождением того или иного демона: падший ангел и бывший римско-греческий бог преследуют одну и ту же цель, обладают одними и теми же свойствами; основная черта их деятельности – причинение зла, вредительства, *малефициум*. Вот почему их, с точки зрения их основной деятельности, следует называть *малефиками* (зловредителями).

Их вредительство чаще всего проявляется через людей, которых они наделяют особыми способностями, направленными ко злу, и которых обычно называют колдунами, кудесниками, чародеями, волхвами, прорицателями, заклинателями и т. п. Непосредственно или через колдунов дьявол всегда и везде старается причинить людям физические страдания, насылает засуху, неурожай, голод, чуму, мор, проказу и иные бедствия – правда, *по попушению божьему*. И нравственное зло имеет своим источником дьявола и его помощников: они насаждают язычество и заставляют язычников смотреть на них, как на божество. От них исходят толкование примет и знамений, умение угадывать, равно как разные магические фокусы, чародейство, колдовство и астрология. Они враги христианской веры, толкают

людей на ереси и язычество; по их наущению происходят самые жестокие гонения на христиан и на их веру. По учению св. Киприана, бывшего в III веке главою церковью проконсульской Африки, дьявол является созидателем всякого церковного раскола и ереси.

И для крупнейшего авторитета раннего Средневековья, для блаженного Августина (ум. в 430 г.), языческие боги, которым римляне приносили жертвоприношения, были на самом деле демонами, реальное существование которых бесспорно, но злая воля которых теперь, в силу торжества христианского вероучения, может быть смягчена и ослаблена не жертвоприношениями, а христианским *экзорцизмом*¹. Без этого средства дьявол может вызвать всякие болезни и напасти, неурожай, засуху и голод. Августин же твердо уверен в возможности превращения человека в животное и говорит, что дьявол может настолько исказить лицо какого-либо человека, что окружающие принимают последнего за то или иное животное. Это предположение Августин сопровождает и другим: возможно, говорит он, что окружающие видят не самого человека, а его «фантастикум», отделившийся от него, как то происходит во сне, и принявший в силу вмешательства дьявола образ определенного животного. Этот «фантастикум» принимается Августином за незыблемый факт, ибо за него говорят бесконечные случаи во сне, когда от человека отделяется и уносится в бесконечное пространство его «фантастикум». По существу, Августин ставит знак равенства между душой и «фантастикумом», распространяясь на тему превращения последнего в образ животного или какого-либо человека под влиянием чародейственных сил дьявола.

Может ли и тело, подобно душе-«фантастикуму», носиться по воздуху? У апостола Павла, вознесшегося на третье небо, Августин не находит точного ответа на этот вопрос и потому оставляет его открытым.

Не решается Августин положительно ответить и на вопрос о том, может ли дьявол сотворить новое существо; не зная, какой дать ответ, Августин говорит, что скрытое в элементах семя дьявол «хорошо видит» и из этого семени, используя свое умение, он «быстро» сколачивает нужное ему животное, хотя оно им и не создается. В этом случае демон напоминает и некоторых людей, которые из разных веществ могут создать червей и мух. Он полагает также, что было бы «бесстыдством» отрицать возможность плотских сношений дьявола с женщиной – ввиду многочисленных заявлений о таковых сношениях. Разумеется, всякие дьявольские напасти, как говорит Августин, происходят с божьего попуска, с разрешения бога, как это вытекает из общего учения о зле, попускаемом богом.

* * *

Подлежит ли колдун наказанию? Поскольку колдун, как орудие злой воли демона, *причиняет людям вред*, порчу, зло, насылает на них всякие беды и несчастья, отнимает у них сон и спокойствие, лишает их пищи и удовольствия, он еще *в древнем мире* подлежал, как всякий преступник, суровому наказанию, *в меру своего преступления*.

Чем больше вреда он приносил, чем значительнее был его малефиций, тем беспощаднее была постигавшая его кара и тем явственнее торжествовала своя победу принцип справедливости возмездия. Так как колдун находился во власти богов прошлого, служил им, то всякое поклонение отжившим богам, которые в силу своей «превзойденности» превращались в злых, преступных демонов, было в античном мире наказуемо и наказание колдуна носило с внешней стороны религиозный оттенок, хотя, по существу, оно было чисто светским.

Демонслужителя или идолопоклонника (что было одно и то же) *наказывали не за грех, не за веру в отжившего бога или в его изображение* — икону или идол, а за его преступле-

---

¹ Т.е. изгнанием дьявольщины из человека, в котором засел дьявол. – См. ниже.

ние, совершенное по наущению мстящего миру бога прошлого, отставшего от «нынешней» культуры. Если римские императоры преследовали христиан, то в этих преследованиях не было религиозного момента: христиане находились во власти злых богов, демонов и идолов, которые в силу своей природы толкали их на преступление, за что христиане и терпели соответственные наказания.

Такое же отношение к колдунам воспринял *на первых порах* и христианский мир: возврат к идолопоклонству, который теперь означал веру в римские божества, наказывался потому, что старые боги в качестве демонов и дьявола могли подстрекать отпавших от христианства лишь ко злу, к причинению людям одних лишь бедствий и несчастий. Так как смерть от отравления особенно сильно поражала окружающих, то колдунов стали отождествлять с отравителями, и малефиций часто даже назывался венефицием, т. е. ядовредительством.

Однако если светская власть должна была преследовать преступных колдунов как убийц и прочих вредителей, то и церковь, борющаяся за рост своей паствы, не могла относиться безразлично к отходу отдельных ее членов; отход ведь был тем более опасен, что мог совершаться безнаказанно, если идолопоклонник не совершал никаких вредительских актов, несмотря на своего злого искусителя.

Неудивительно, что церковь постепенно начала включать отпавшего члена в разряд и церковных преступников, на которых должны распространяться духовные наказания. К последним относились в качестве особенно тяжких отлучение от церкви и отказ в причастии перед смертью грешника; для церкви при этом не играл существенной роли размер преступления вернувшегося к старому богу преступника. Церковь наказывала *не за вред*, нанесенный обществу, и не за преступление, причиненное человеку, а *за отпадение от церкви*, за отступление от слова божьего, отступление, могущее и не сопровождаться уголовным преступлением, малефицием. В круг колдовства – малефиция – входили магия, прорицательство, гадание, обворожение и т. п., причем колдун мог действовать через заклинание или всякими иными средствами, которые ему «подставлял» дьявол.

Собор 306 г. в Эльвире самым суровым образом осуждает колдовство, ввиду того, что оно возможно лишь в силу возврата человека к идолопоклонству. На этой же точке зрения стояли соборы 314 г. в Анкире и 375 г. в Лаодикее, указывавшие, что представители духовенства зачастую занимаются колдовством, изготавливают амулеты и становятся заклинателями, гадателями и математиками.

С этого момента ряд соборов останавливается на страшном колдовском преступлении и включает в него поклонение деревьям, скалам, камням, источникам и т. п. Провинциальный собор 551 г. в Элюзе не ограничивается уже духовными карами и требует наказания плетью для колдунов низкого и рабского звания. Нарбонский собор устанавливает продажу в рабство свободного человека, впавшего в идолопоклонническое колдовство. Таким образом, с середины VI века мы видим, что церковь требует *двойного наказания колдуна и привлекает* к его наказанию и *светскую власть*. Само преступление является таким, которое касается обеих властей; оно смешанное – *delictum mixti fovi* – даже в том случае, когда колдун не причинил вреда, не совершил малефиция.

Эти постановления соборов, равно как и аналогичные заявления папы, не могли не просачиваться в светское законодательство, хотя последнее стремилось иметь дело лишь со «зловредными деяниями» колдунов, с учинением ими порчи тому или иному человеку, по жалобе которого и свершался суд над колдуном. Частный характер раннесредневекового суда, где инициатива и обвинение исходили от пострадавшей стороны и где отсутствовал принцип общественного обвинения, как нельзя лучше гарантировал этот суд от преследования таких колдунов, которые, по учению церкви, были отчаяннейшими преступниками, но своими действиями не вызывали жалоб и не подавали пострадавшим повода к обращению

к суду за наказанием гадателя, метателя жребия, ясновидца, вязателя узлов, математика и всякого иного безобидного вида колдовства.

Оставляя в огромном большинстве случаев вне поля своего зрения не причиняющих вреда колдунов, светский суд в то же время осуждает тех, которые творят насилие над летающими по ночам женщинами, которых называют *стригами*, *ламиями* или *масками* и которым приписывают такие ужасные преступления, как высасывание внутренностей из живых людей или пожирание малых детей.

Светское законодательство считает *безумием* все эти *рассказки* и предостерегает от веры в них, подчеркивая, однако, факт существования колдунов как зловредителей (малефиков), так и таких, которые своим колдовством не причиняют людям особого ущерба. Эдикт лонгобардского короля Ротара 643 г. прямо запрещает христианам верить тому, что женщины могут быть вампирами и высасывать внутренности из живых людей, и приказывает судьям не допускать, чтобы заподозренные в таком невозможном преступлении женщины убивались *безумцами*. Карл Великий пошел гораздо дальше Ротара и в своем первом саксонском капитулярии от 787 г. говорит, что смертная казнь должна постичь того, кто, одураченный дьяволом, верит, подобно язычнику, в существование пожирающих живых людей стриг или ламий и на этом основании убивает этих несчастных *мнимых* преступников.

Так светское законодательство проводит резкую грань между колдовством и «языческим безумием». Колдун – реальность, он несет с собою малефиций своему ближнему и подлечит как вредитель суровому наказанию; вампир – стрига, ламия или маска не существуют и являются бредом одураченных дьяволом отдельных безумцев, совершающих тяжелые насилия над мнимыми преступниками, за что сами должны подлежать ответственности перед законом.

Но если светский суд отмежевывал себя от народных безумий, то церковные взгляды, наоборот, все более и более приближались к «народному безумию» и вскоре овладели и светским судом.

До IX века светское законодательство упорно ставило ударение на вреде, учиняемом колдунами, и в меру этого вреда устанавливало для малефика то или иное наказание; с момента же ослабления светской власти и усиления церковной начинается выпячивание религиозного характера преступного колдуна. Его ждет наказание не только за то, что он учинил ущерб людям, но и за то, что он совершил богохульство, впал во власть демона, преклонился перед силой языческого начала, и степень наказания, определяемая светским судом, соответствует все более и более величине *греха*, а не *преступления*: убийство, совершенное без специфической примеси колдовства, может быть наказано менее сурово, чем гадание или заговаривание, в котором ярко сказался элемент дьявольского наваждения.

Так светский закон, ища сближения с церковью, впитывает в себя канонические элементы и не только предлагает церкви свой карающий меч, но и сам проникается ее духом и отклоняется от прежнего взгляда, видевшего в преступнике-колдуне вредителя, а не грешника.

Это загрязнение светской мысли церковными началами имело роковые последствия, когда церковь не только все более и более стала выпячивать греховный характер колдовских преступлений, но и санкционировала, расширяла и углубляла народное безумие, связанное с представлением о летающих стригах, пожирающих живых людей вампирах и живущих половой жизнью с дьяволом женщинах, способных оборачиваться в самых разнообразных животных, – все эти безумные бредни, которые так определенно и резко осудил император Карл Великий и еще до него лонгобардец Ротар.

Народные верования, осужденные как безумие светским законодательством, были, как мы уже видели, настолько близки Августину Блаженному, что он говорил о полетах, о воз-

несении (raptus) человека, если не его тела, то во всяком случае его «фантастикума», принявшего под влиянием дьявола внешний вид телесного существа.

Несмотря на огромный церковный авторитет Августина, его рассуждения о дьяволе, изложенные в «Дьявольской натуре» и «Прорицательстве демонов», не получили широкого освещения в теологической литературе до середины VII века, когда, опираясь на учение Августина, епископ Исидор Севильский написал свою богословскую энциклопедию, названную «Этимологиями». В этом сочинении Исидор подробно говорит, как колдуны вызывают град, дождь, засуху и иные перемены в природе, как они владеют умением оборотить одно животное в другое, человека в волка и другого зверя; все это для него совершенно бесспорно, хотя он и ссылается лишь на язычников, например на римского поэта Горация и некоторых других. Что касается летающих ламий или масок, пожирающих и похищающих детей и являющихся *демонами, сделанными из людей* (ex hominibus daemones facti), то Исидор более знает о них из слухов, чем из достоверных фактов, хотя и имеет мало оснований не доверять этим слухам. Относительно же половой жизни демона с женщиной Севильский епископ дает более определенные данные: в этом, по его мнению, сомневаться нельзя, хотя снова у него делаются ссылки только на язычников. Этими рассуждениями церковь, в лице одного из самых видных своих авторитетов, сделала шаг в сторону народного «безумия» и усвоила его наиболее характерные черты.

Исидор Севильский не мог быть обойденным, и его «Этимологии» позднее комментировались и дополнялись рядом богословов, причем все они принимали его рассуждения о ламиях, вампирах, сожительстве с дьяволом как установленные данные, не подлежащие сомнению. В этом духе писал Рабан Мавр, известный майнцский архиепископ IX века; то же утверждал, в качестве последователя Исидора, реймский архиепископ Гинкмар, и вся богословская литература полна описаний страшных злодеяний дьявола и его бесчисленной демонской рати.

Народная фантазия обогащается учеными измышлениями, схоластическими ухищрениями и языческой мифологией. Богословская мысль питается народными суевериями и в свою очередь сеет в народе фанатизм, безумие и ужас. Как из рога изобилия, льются на обезумевшее человечество комментарии к великим учителям, рассказывающие о небывалых и неслыханных дерзостях и злодеяниях дьявола. Одно его деяние страшнее другого, и монахи изошряют все свои способности, чтобы изобразить самый фантастический подвиг ставшего героем целой эпохи дьявола. Аббат Гиберт из Ножана передает, что его собственный отец подпал под чары дьявола и потому он, Гиберт, родился на семь лет позже, чем должен был родиться. В эти семь лет отцовской импотенции к матери Гиберта явился однажды ночью дьявол в образе мужчины, готового вступить в связь с ней; однако дьявол был своевременно прогнан добрым духом, заинтересованным в сохранении нравственной чистоты матери Гиберта.

Умением прогонять дьяволов, являвшихся к женщинам в образе мужчин, особенно отличался знаменитый проповедник Бернارد из Клерво. Он много способствовал оживлению в XII–XIII веках учения Августина Блаженного, благодаря Бернарду стали популярны в народе наиболее безумные деяния демонов и дьявола.

Не менее ужасные вещи рассказывает в своем «Поликратике» Иоганн из Сольсбери, большой знаток сочинений Августина и Исидора. С Иоганном по части дьявольских ужасов соперничает Петр из Блуа, распространяющийся на тему о том, как, по указанию дьявола, женщины изготовляли глиняные фигуры, а также грязевые и через их посредство мучили своих врагов или вселяли любовь в души тех, кого любили. Из ряда нормадских монастырей распространялись по северной Франции такие ужасы, что потребовалось вмешательство папы для успокоения монастырской братии и всего населения. То же имело место в знаменитом Корвейском монастыре, откуда исходили фантастические бредни, которым, по словам

аббата Вибальда из того же Корвея, не стал бы верить даже язычник. Теперь стали принимать как нечто достоверное то, что гунны произошли от демонов, что жители острова Кипра являются детьми дьявола, принявшего вид мужчины и вступившего в половую связь с женщиной. Такой дьявол уже и раньше стал называться инкубом (сверху лежащим), в противоположность дьяволу, принимавшему вид женщины и называвшемуся суккубом (лежащим снизу). Об английском короле Мерлине говорили, что он родился от инкуба и дочери-монашенки английского короля, и Вальтер говорит о целом ряде лиц, родившихся точно таким же образом.

Вопрос об инкубах и суккубах делается излюбленной темой теологической мысли, и Вильгельм Парижский посвящает ей особенно много внимания; пигмеи, фавны, оборотни-волки и гиены, все они разные демоны и полудемоны, самым коварным образом распоряжающиеся судьбой людей. Фавн, по его мнению, есть смертное, не вполне демоническое существо, родившееся от инкуба и женщины.

Впрочем, Вильгельм Парижский полагает, что демон не в состоянии произвести на свет человека и лишь пользуется человеческим семенем, которое он вводит в женщину, становящуюся тем самым матерью.

Особенно большим авторитетом пользовался в XII веке Петр Ломбардский, умерший в Париже в 1164 г. Его «Сентенции», комментировавшиеся беспрестанно почти всеми теологами до момента замены его авторитета авторитетом Фомы Аквината, подробно говорили о разнообразных деяниях, причем вопрос о мужской импотенции, вызываемой дьяволом и служащей поводом к расторжению брака, особенно остро занимал Петра Ломбардского, разъяснявшего, что дьявольская импотенция, в противоположность естественной (*brigiditas*), делает брак невозможным лишь в отношении одной женщины, а не вообще, а потому околдованный импотенцией должен, расставшись с женой, немедленно жениться на другой. Для Петра Ломбардского вопрос о том, каким образом бог допускает расторгнуть дьяволу таинство брака, решался в том смысле, что все это совершается с соизволения бога и является результатом грехов тех, которые подпадают под дьявольское наваждение. Более трудным представляется Петру вопрос о том, почему похотливый и развратный дьявол, толкающий людей на блуд, поражает свою жертву импотенцией, которая как раз тормозит чувственную деятельность человека; по-видимому, специфический характер дьявольской импотенции, распространяющейся только на законную супругу, благополучно разрешает головоломную проблему, выдвинутую несколькими парижскими теологами.

Само собой понятно, что все эти рассуждения, повторяемые на разные лады, отравляли атмосферу и вызывали в людях представление о вездесущности и всемогуществе дьявола, проникающего в самые интимные закоулки человеческой жизни и нарушающего его покой даже там, где присутствие посторонней и враждебной силы казалось менее всего вероятным.

Ученый характер дьявольской литературы исключал возможность колебания насчет реального существования демонов со стороны необразованной массы, которая все более и более охватывалась паникой перед грозной и таинственной силой, какой был дьявол. Эта паника ввергала многих в тяжелые формы психических болезней, и люди верили в то, что они действительно околдованы дьяволом, и в то, что они, благодаря дьявольскому содействию, могут других околдовывать и превращать их в орудие своей воли. Так общество в XII в. шло навстречу большой катастрофе².

---

² Сольдан-Геппе. История процессов против ведьм, 2 т., 3-е изд., дополненное Максом Бауэром, 1911 (на нем. яз.); Иос. Ганзен. Колдовство, инквизиция и процессы ведьм в Средние века, 1900 (на нем. яз.); он же. Источники и исследования по истории колдовства и преследования ведьм в Средние века, 1901 (на нем. яз.); Г. Росков. История дьявола, 1885 (на нем. яз.); Г.Ч. Ли. История инквизиции в Средние века, 2 т., 1910; М. Генкинг. Дьявол, изд. «Атеист», 1930; Леман. Иллюстр. история суеверий и волшебств, 1901; Жюль Бессак. Дьявол, 1881 (на франц. яз.); Г. Лекки. История возникновения и влияния рационализма в Европе, т. 1, 1871; Г. Мори. Магия и астрология в древности и в Средние века, 1860 (на франц. яз.);

* * *

Уже давно была оставлена мысль, что сфера деятельности дьявола ограничивается исключительно некрещеными и язычниками. По своей неизреченной справедливости бог соизволяет дьяволу терзать и искушать и верующего: этим последнему предоставляется возможность добровольным, свободным выбором достичь блаженства, опозорить искушителя, укрепить в себе веру и приободрить чужую душу и совесть. Вот почему никто не может оправдываться ссылкой на дьявольское обольщение: ведь демоны вообще не в силах принуждать к греху, они лишь побуждают к нему.

Ориген не соглашается с тем, что без демонов не было бы грехов; собственные пороки людей, говорит он, ведут их ко злу, и демоны играют лишь роль толкачей, побудителей. Победенный в борьбе с дьяволом сам несет ответственность за грех и не должен возлагать его на искушителя. Бог, по своей милости, не допускает искушения, превосходящего силы человека, и одинокий никогда не будет предоставлен во власть сразу многих демонов; к тому же человек может всегда надеяться на помощь бога. «Бог не уничтожил действия дьявола на верующих для того, чтобы последние боролись с ним, были чутки, осторожны и не опускались в бездну безделия и лени».

Против дьявола, учила церковь, есть, однако, сильное средство. Это истинная христианская вера. «Христианство», по словам немецкого исследователя Сольдана, казалось, создало в своем учении оплот, за который каждый верующий смело и безопасно мог становиться, не боясь вредного действия чародейства, источник которого связывался с именем вечного врага человечества – дьявола.

Еще Гермас, ученик ап. Павла, упоминаемый им в «Послании к римлянам», говорил, что лучшим средством обезопасить себя от дьявола является богобоязненность, религиозное рвение: вера обращает в бегство дьявола, и демоны боятся истинно верующего. Упорство в сопротивлении путем набожности наводит ужас на дьявола, и только неверующий может бояться дьявола. Молитвы прогоняют его; он страшится крестного знамения и исчезает при произнесении имени Христа.

По учению Оригена, побежденный верующим демон ввергается в пучину и теряет право на искушение других. Чем чаще верующие побеждают, тем меньше становится число демонов и тем легче язычникам отказаться от их скверны. В общем, в распоряжении дьявола и его демонов остаются лишь язычники и некрещеные, в которых обретаются разнообразные демоны. Вот почему при крещении необходимо их предварительно изгнать, и экзорцизм, т. е. изгнание дьявола из новокрещеного, становится необходимым актом крещения, а с середины III века существовал даже особый чин гонителя, имевший сначала дело лишь со взрослыми язычниками, отрекавшимися от своих воззрений, а потом включивший в круг своих обязанностей, как выдыхание дьявола (*exsufflatio*) нечистыми детьми, так и вдыхание им (*insufflatio*) чистого божественного духа. «Выходи, нечистый дух, и дай место чистому» – так при крещении гласил этот чин³.

Папа Григорий Великий (ум. в 604 г.) рекомендовал употребление святых мощей в качестве средства для изгнания дьявола и рассказывал, как ему удалось изгнать из одной арианской церкви дьявола, принявшего вид свиньи: с громким хрюканьем пустилась она бежать, когда перед ней показали мощи одного святого. Тот же папа в главе «О жизни и чудесах

А. Граф. Дьявол, 1892 (на нем. яз.); Ревиль. История дьявола, 1873 (на франц. яз.). Ж. Бессак. История христианской дьявольщины, 1882 (на франц. яз.); он же. Великие дни колдовства (на франц. яз.), 1890.

³ Изгнание это (экзорцизм) в значительной мере сохранилось по настоящее время. См.: Koldwey. Der Exorzismus in Braunschweig. 1893. Книга Кольдевея, хотя и носит местный характер, имеет значение для понимания современного экзорцизма во всех католических странах.

италийских отцов церкви» подробно распространялся о дьяволах и рассказывал своему церковному служителю Петру о многочисленных чудесных приключениях из жизни епископов и монахов, удачно прогонявших пристававших к ним дьяволов. Вот, например, перед нами пресвитер, обращающийся к дьяволу со словами: «Эй, дьявол, сними мне сапог!» И дьявол, преследуя какую-то хитроумную комбинацию, действительно появляется и готов снять пресвитеру сапог, но верующий, крестясь, прогоняет его вон.

В VIII веке святой Бонифаций, так называемый апостол Германии, при акте крещения, изгоняя дьявола, говорил: «Ну, вот вы теперь отреклись от дьявола, его творений и всей его помпы. Каковы творения дьявола? Язычество, обращение к ядам, заговариваниям и приметам».

Между тем дьявольская мощь и его помпа росли так, что порою даже представители церкви ничего не могли поделать с дьяволом и должны были униженно присутствовать при его «творениях». Так, аббат Тритемий описывает страшный 858 г., когда дьявол пожаром уничтожил ряд домов, причем «коварный» ранил камнем священников, желавших помочь погорельцам и вообще бороться с огнем.

На синоде 871 г. в Майнце рассказывали, как два саксонских священника считали себя набожнее и священнее самого епископа, что привлекало на их службы многочисленную толпу верующих. В наказание епископ Луитберт сместил одного, другим же священником овладел дьявол, который в данном случае явился исполнителем божественной кары или, как говорили, министром наказаний (*minister poenarum*). Этот министр возмущался, когда мирянина хоронили в церковной ограде. Так, в Генуе был погребен в церкви некто Валентин: в полночь в церкви поднялся страшный шум; сбежавшиеся сторожа увидели двух дьяволов, связавших ноги Валентину и тащивших его из церкви. Сторожа в испуге бежали, а на следующий день в склепе не оказалось трупа Валентина: он лежал за оградой со связанными ногами. Событие это удостоилось специального обсуждения синода, который констатировал, что происшедшее с Валентином есть чудесная и вместе с тем ужасающая история, которая не должна быть забыта вовеки. В силу этого II-й канон вормского синода 895 г. постановил: «Согласно предписаниям святых отцов и в силу чудодейственных происшествий, отныне возбраняется хоронить в церкви мирянина».

В связи со страшным расширением радиуса действия дьявола страх перед ним быстро увеличивается, и его всемогущество начинает угрожать даже самому богу. Возможность столкновения подобных двух сил с трудностью предвидения, на чьей стороне окажется победа, пугает многих верующих, и даже авторитетные представители церкви говорят о неограниченном всемогуществе дьявола.

Веронский епископ Ратерий в середине X века счел себя вынужденным заступиться за всемогущество всевышнего и подчеркнуть, что перед ним должна все-таки преклониться мощь дьявола. Последняя была, однако, настолько велика, что римский синод 963 г. с чувством досады и возмущения констатировал, что папа Иоанн XII подпал под власть дьявола, за здоровье которого он поднимал бокалы вина, призывая на помощь Юнону, Венеру и других богинь языческого мира.

Особенно внимательно богословы относились к факту многочисленных оборачиваний дьявола в домашних и неприрученных животных. Теологи определенно утверждали, что, в силу божьего попущения, дьяволу дана возможность обращать человека в животное.

Церковь не сомневалась, что в животном, произошедшем от человека, сохранялась душа, но успокаивала тем, что подобное животное не злоупотребляет человеческой душой и оставляет ее в покое. Епископ города Лозанны, убедившись, что с помощью дьявола кудесники и чародеи превратили многих людей в червей, саранчу, жаб, майских жуков и т. д., которые причинили массу вреда окрестным крестьянам, трижды обращался с епископской кафедры со словами и убеждения и угрозы к этим страшным паразитам, требуя, чтобы они

предстали в Вифлисбурге на суд – собственной персоной или через представителей. Это обращение делалось епископом при звоне колоколов и в очень торжественной форме: крестьяне опускались на колени, трижды читали Отче наш и Ave– Maria и молились о гибели саранчи и прочей нечисти. Саранча и черви возбудили, однако, дело против епископа; им был дан защитник, но епископ выиграл дело, и во имя Бога отца, Сына и Святого Духа лозаннские черви были навеки прокляты. Но сила дьявола была так велика, что не помогло даже епископское проклятие: через год Лозанна подверглась тому же несчастью – к великому позору церкви, оказавшейся слабее дьявола. И архиепископу вормскому Адельберту пришлось убедиться в слабости церкви в ее борьбе с дьяволом: в пасхальные дни 1065 г. архиепископ излечил одного больного, но дьявол не пожелал с этим считаться, и больной скончался.

За 50 лет до этого случая подобные факты в большом количестве были рассказаны на синоде в Орлеане и произвели глубочайшее впечатление на собравшееся духовенство, павшее духом от многочисленных доказательств всемогущества дьявола и под его руководством действующих волхвов, колдунов, чародеев, колдуний, одержимых и беснующихся.

Что удивительного в том, что после этого в действиях всякого крупного человека, который почему-либо казался церкви подозрительным, богословская мысль прежде всего искала дьявольской подкладки. Даже сам папа подвергался таким обвинениям. По словам Гфрера, против папы Григория VII возникло подозрение, что он действует с помощью магической книги, т. е. в содружестве с дьяволом⁴. Всякое новшество, всякая смелая мысль, все, что уклонялось даже в очень незначительной степени от привычного мышления и повседневной жизни, вызывало представление о вмешательстве дьявола, о его персте.

У одного священника, рассказывал писатель-монах начала XIII века Цезарий Гейстербахский, был очень приятный голос, и его друзья постоянно наслаждались его пением. Однажды услышал его пение какой-то знакомый монах и тотчас заявил, что подобный голос не свойственен человеку и что он принадлежит дьяволу. В присутствии всех поклонников певца монах стал изгонять дьявола из тела несчастного, и певец переживал тяжкие минуты, когда его тело покидал дьявол.

Папа Александр III запретил священнику прибегнуть к астрологии для отыскания вора, предполагая, что в астрологии запрягся дьявол.

Общее собрание цистерцианского ордена в 1183 г. запретило заниматься предсказанием чего бы то ни было; папа Гонорий III осуждал тех, которые держали пари или вообще предсказывали, кто будет назначен на тот или иной духовный пост. Впоследствии мнимочеловек француз Габриэль Ноде опубликовал объемистую книгу, в которой доказывалось, что большинство великих людей находилось в переписке с дьяволом.

Так церковь, всячески распространяя бредни о дьяволе, запуталась в собственных противоречиях и сама начала бояться дьявольского наваждения. Желая наказать слабых людей за колдовство, приравняемое ею к ереси, церковь создала такую метлу, которая, казалось, выметет самую церковь и оставит земную юдоль всецело во власти одного лишь дьявола. На все земное надвигался в лице дьявола страшный враг, который готов вступить в поединок с самим богом, и с этим врагом церковь решила помериться силами, став на сторону бога, не желавшего единолично, по-видимому, идти на истребление даже своего «личного» врага.

Борьба была серьезна: два почти равные существа оспаривали друг у друга господство над миром. У бога есть ангелы и небесные полки, у дьявола – бесчисленные полчища демонов и подчиненных ему чертенят. Активность дьявольской рати увеличивала опасность, но церковь, победившая язычество и заставившая преклониться перед ее авторитетом императорскую власть, смело ринулась в бой, полагаясь на свое старое, испытанное в бою средство.

---

⁴ Прим. Gfgrer Aug, Friedr. Allgemeine Kirchengeschichte. 4 тома. 1841–1846.

Мечом и огнем должен быть уничтожен враг человеческого рода кто за него, тот подлежит уничтожению, истреблению; пощады никому не будет, и дьявол будет изгнан из самых узких щелей, куда он проник, и из самых интимных мест, куда он засел.

Беспримерная погоня за дьяволом принимала тем более страшные размеры, что сама же церковь изобретала для него все новые и новые ущелья, все более и более таинственные норы. Созданный церковью дьявол ее же стараниями принял всеобъемлющий характер и всепроникающий образ, и теперь для борьбы с ним требовалась неимоверная энергия, необычайное напряжение.

Однако до XIII века число преследований за колдовство было сравнительно невелико: церковь иногда как бы стушевывалась перед государством и обычно предоставляла ему преследовать действовавших под влиянием дьявола преступников; государство же, несмотря на всякие колебания, склонялось к преследованию лишь тех, которые приносили ущерб другим людям, видя свою задачу в том, чтобы наказывать преступников, а не грешников. Правда, церковники бдили за тем, чтобы впавшие в идолопоклонство несли должное наказание, и, помимо отлучения от церкви, передавали их в руки светской власти, которая, все более преклоняясь перед силой церкви, зачастую подвергала смертной казни и таких, которые не были малефиками, т. е. преступниками в прямом смысле, а были лишь отступниками от веры.

О наиболее ранних казнях колдунов мы узнаем из сочинения Григория Турского, который в своей «Истории франков» описывает сожжение одной колдуньи, вызвавшей в 580 г. смерть двух королевских сыновей, а когда, через три года, умер и третий сын королевы Фредегунды, в его смерти были заподозрены префект Муммол и несколько женщин, действовавших под влиянием дьявола. Муммол был подвергнут пытке и сознался, что получил от колдуний мазь и напитки с целью удержать милость короля и королевы. За это преступление он был сослан в Бордо; женщины же признали свою вину, назвали себя колдуньями, подверглись колесованию и сожжению. То был наиболее громкий колдовской процесс эпохи Меровингов.

В следующую, Каролингскую, эпоху подобный процесс возник в связи с увлечением императора Людовика Благочестивого красивой Юдифью, на которой он женился и под влиянием которой он решил перераспределить части империи в ущерб старшим сыновьям, родившимся от первого брака. Духовенство пришло на помощь обиженным императорским сыновьям и заявило, что любовь Людовика Благочестивого вытекает из колдовских чар Юдифи и что во дворце имеется очаг кудесников, ворожителей и колдуний, которые околдовали императора, этого невинного барана, который придет в себя, как только будут изгнаны из дворца забравшиеся демоны. Началась борьба между отцом и старшими сыновьями; во время этой борьбы была захвачена в Шалоне монахиня Герберга, сестра одного из виднейших сторонников Юдифи; Герберга была обвинена в малефиции и венефиции, т. е. в учинении ущерба и яда, и была брошена в реку Саону.

Этот вид наказания колдуний стал распространяться в IX веке, и его старался применить к своей жене Тейтберге император Лотар II, обвиняя Тейтбергу в том, что он из-за колдовства не может исполнять супружеских обязанностей. Лотар II нашел поддержку со стороны архиепископов Трира и Кельна и епископа Меца; оказалось, однако, что Тейтберга тут совершенно ни при чем: императорская болезнь была вызвана его любовницей Вальдрадой, надеявшейся расторгнуть этим путем брак Лотара с Тейтбергой. Вальдрада должна была пострадать за свое коварство. В смерти в 899 г. сравнительно молодого короля Арнульфа также видели коварство колдунов: король был во цвете лет, и казалось, что участие в его смерти злой силы бесспорно. Какой-то приближенный короля был казнен, другой бежал, а «настоящая» виновница преступления – Рудпург была подвергнута пытке; под ее тяжестью она созналась и была повешена в Айблинге.

В XI веке число колдовских историй, доходивших до суда, значительно увеличилось; одновременно с этим колдовские случаи единолично подавлялись сильными мира сего, не доводившими их до светского или духовного суда. Так, например, с трирским архиепископом Поппо в 1016 г. произошло следующее: он заказал одной монахине изготовить ему пару сапог. Так как Поппо сильно нравился монахине, то она околдовала сапоги, которые вызывали сильную страсть к монахине у тех, которые надевали эти сапоги. Как только Поппо надел сапоги, он почувствовал необыкновенную страсть к монахине и догадался, что с сапогами творится что-то неладное; он тогда предложил эти сапоги нескольким знакомым, которые тоже тут же воспылали страстью к этой монахине. Дьявольское наваждение было бесспорно, и Поппо разогнал всех монахинь монастыря Пфальцеля, не разбирая правых и виновных. За эту скоропалительность Поппо нажил гнев бога и должен был отправиться в Иерусалим, чтобы искупить свой поступок.

Аналогичный случай колдовства имел место в отношении кельнского архиепископа в 1075 г.; заподозренная колдунья была сброшена с высокой городской стены. Такое же наказание постигло в Ангулеме колдунью, которую обвиняли в учинении ужасной болезни графу Вильгельму. Под пыткой колдунья отрицала свою вину; поединок, установленный для выявления ее преступления, не дал определенного результата, и Вильгельм склонен был считать ее невиновной; однако после его смерти говорили, что женщина эта околдовала глиняные фигуры, и сын Вильгельма, граф Алдуин, подверг ее казни, не обращаясь к суду. В 1090 г. в Фрейзинге, из-за конфликта с епископом, суд некоторое время совершенно бездействовал, и заподозренные в колдовстве три женщины были подвергнуты толпой испытанию водой. Испытание не дало положительных результатов, и женщин подвергли испытанию плетью. Под пыткой все трое отрицали свою вину, но слухи о коварстве преступниц взбудоражили жителей не только Фрейзинга, но и его окрестностей; женщины вторично подверглись наказанию плетью, и в конце концов их живьем сожгли на берегу реки Изара. Подобный же суд Линча, но в малом размере, совершили дворовые люди графа Фландрии в 1128 г.; граф однажды перешел речку Дейль под Лиллем, какая-то женщина брызгнула на него водой, и он заболел сердцем и внутренностями. Граф вскоре умер, и его люди решили, что вода была волшебной. Женщину сожгли на костре. В Генте народная масса истязала в том же году одну колдунью и носила по городу ее желудок в Бове; в это время, наоборот, над колдуньей был совершен настоящий суд, в котором приняли участие как городское правление, так и духовенство. Колдунью сожгли на костре при торжественной обстановке. В Зоэсте около этого времени был сожжен молодой священник, как злоумышленник и маг: его обвиняла в колдовстве красивая женщина, которой он, после долгих безуспешных попыток, овладел с помощью колдовских средств. Таковы некоторые случаи из колдовской практики до XIII века; они свидетельствуют о том, что светские суды выносили нередко смертные приговоры колдунам даже в том случае, когда ущерба налицо не было и когда все преступление сводилось к предполагаемому вызову смерти или болезни. Церковь не отставала от светского суда и пользовалась его услугами; точно так же и народная расправа жестоко мстила мнимым преступникам, но важно то, что в большинстве случаев говорилось о малефиках (злоумышленниках) и людей жгли и убивали не как еретиков, а как преступников, хотя церковь и подчеркивала греховную связь этих преступлений с идолопоклонством, с подчинением людей темной власти сатаны, дьявола, демонов.

* * *

В связи с развитием средиземноморской торговли и появлением торговой буржуазии в южной Франции и северной Италии началось направленное против церкви движение. Это движение уже в XI веке приняло широкие размеры. Во главе его зачастую стояла торговая

буржуазия, недовольная тем, что церковь стесняла ее размах и конкурировала с ней там, где церковь сама начала торговать. К этому движению вскоре примкнули городская мелкота и крестьянство, разоряемые и возмущенные церковной десятиной и всяческими иными поборами, ложившимися на крестьянство тем более тяжело, что сравнительно бурное развитие торговли выбивало из колеи множество трудящихся элементов, превращавшихся в безземельных и не находивших применения своему труду в городе, где отсутствовала промышленность и где торговля требовала небольшого количества человеческих рук. Это народное движение, руководимое торговой буржуазией, но опиравшееся на крестьян и ремесленников, церковь назвала еретическим, окрестив его сторонников именем *катаров*. К этому антицерковному движению присоединилась и значительная часть землевладельческой аристократии, ненавидевшая церковь за ее обширные владения. Так, огромное большинство замков между городами Тулузой и Кастельнодари были населены к концу XII века и началу XIII века катарами или лицами, им сочувствующими. В Монтеке в 1215 г. почти все дворянство находилось под влиянием катарского священника де Ла-Мота. То же имело место в Монжискаре. Дворяне из катар нередко захватывали у монастырей и церквей их имущество под предлогом, что церковь должна жить не в роскоши, а в нищете и бедности. Папа Целестин III в 1196 г. горько жаловался на то, что земельная аристократия ограбила монастырь Сен-Жиль. Архиепископ Нарбонны ставил в вину аристократической семье Ниор ее грабительские замашки в отношении ряда церквей и монастырей. Особенно широкие размеры катарство приняло среди сеньоров в Фуа, Тулузе, Каркасоне, Логарэ и т. д., недаром папство утверждало, что весь Верхний Лангедок охвачен ересью, и когда на юге Франции была введена инквизиция, на кострах ее было сожжено немало и аристократов. Характерно, что земельная аристократия оказалась гораздо трусливее, чем буржуазия, ремесленники и крестьяне. После первых же свирепых деяний инквизиции явилась с покаянием аристократия, которая лишь на первых порах, преимущественно до введения инквизиции, широко и открыто выступала против «жадной и лопающейся от богатства церкви».

Помимо юга Франции катарство нашло последователей и в северной Италии, где действовали те же экономические факторы, что и в Лангедоке. Кроме того, в Италии на антицерковное настроение влиял и политический момент. Враги светской власти папы не хотели подчиняться Риму и стремились либо к независимости, к созданию в северной Италии ряда маленьких государств, либо, если независимость была невозможна, к усилению императорской власти за счет папской.

Как всякая ересь, катарство подлежало в первую очередь церковному суду, приговоры которого до XI века, до появления катарства, часто ограничивались духовными наказаниями, как-то: епитимией, временным отлучением от церкви, иногда пожизненным, не дававшим возможности получить причастие даже на смертном одре. Правда, церковь время от времени побуждала светские суды выказывать свою благочестивую суровость (*pius rigor*) в отношении еретиков и применять к ним смертную казнь, и государственные суды покорно подчинялись этому требованию. Но такие обращения носили скорее эпизодический характер, и лишь с появлением катаров церковь потребовала, чтобы все суды, безразлично духовные или светские, встали на защиту попираемой церкви и во имя истребления ереси закланала весь христианский мир не останавливаться ни перед чем и широко применять «всю мощь своей карающей власти». Так как в катарской ереси были налицо элементы, сближавшие ее будто бы с колдовством, ибо катары превозносили силу дьявола и приписывали ему господство над материальным миром, то карательные органы решили подвергать катаров тем наказаниям, каким они подвергали наиболее закоренелых колдунов, зловерителей. И в 1022 г. в Орлеане была, по распоряжению французского короля, сожжена первая партия катаров. Выбор именно этого вида наказания мотивировался тем, что сожжение – наиболее болезненное наказание и что оно уничтожает «без остатка» преступника-еретика. Вслед

за орлеанским сожжением запылали костры в Тулузе, Лиможе, Монтефорте, Аррасе и других местах. Энергичная деятельность светских и церковных судов привела к загону катарской ереси в подполье. Но процесс разложения феодального и натурального хозяйства продолжался; народное недовольство усиливалось, крепла торговая буржуазия, учащались ее столкновения с церковью, и противоречия общественной жизни выливались в форму религиозного брожения – рядом с катарством, начавшим постепенно сходиться со сцены, появилось близкое ему по духу движение *вальденцев*.

По своему размаху вальденство было гораздо обширнее катарства – настолько, насколько XIII век значительно дальше ушел в своем развитии предшествовавшего ему века, тем более что Крестовые походы ускорили темп общественной жизни, и Европа за одно столетие пережила больше, чем переживала обычно за два или три столетия. Вальденство стало представлять серьезную опасность для церкви, и последняя решила напрячь все свои силы для борьбы с этой новой ересью. Церковные суды в глазах папы считались недостаточно сильным орудием для искоренения этой страшной опасности; были объявлены внутренние Крестовые походы, а затем была введена и *инквизиция*.

Инквизиция должна была вырвать из Европы жало ереси.

Но есть ли колдовство – ересь? Ведь ересь характеризуется, во-первых, *ошибкой в мышлении* (*error in ratione*), а во-вторых, упорством (*pertinacia*) в этой ошибке. Но ведь колдун, веря в дьявола, не совершает ошибки в мышлении, ибо *дьявол действительно существует*, и упорство колдуна не может быть еретическим, так как он упорствует не в ошибке, а в том, что фактически подтверждается и церковью, и всеми ее авторитетами. Правда, еретиком называется всякий вообще, кто *«либо рождает ложные или новые мысли, либо следует им»* (*falsas vel novas opiniones gignit vel sequitur*). Но ведь колдун не рождает ни ложных, ни новых мыслей – и казалось, что все виды колдовства, которое так трудно подогнать под ересь, останутся вне сферы компетенции инквизиционных судов.

И действительно, когда известный своей жестокостью доминиканец-инквизитор Бернард из Ко, прозванный Молотом еретиков, открыл в 1245 г. еретическое гнездо в местечке Лемас Сен-Пюэль (между Тулузой и Каркасоном) и привлек к своему трибуналу в качестве полусвидетелей-полупреступников поголовно все население местечка, он не счел, в качестве инквизитора, возможным возбудить дело против какой-то колдуньи, заявившей, что она околдовала одежду, пояс и сандалии своих соседок, чтобы предохранить их от всех болезней. Точно так же нет почти никаких указаний на колдовских преступников в тех 5600 процессах, какие были возбуждены этим же Бернардом из Ко, хотя он действовал в том районе, который в XIII веке насчитывал немалое количество колдуний и колдунов. И тулузский инквизитор Бернард Ги, действовавший в начале XIV века, не упоминает в своих 600 процессах ни одного колдуна. Правда, это число процессов не охватывает всей деятельности Бернарда Ги; но ничто не наводит на мысль о том, что в неопубликованных процессах этого инквизитора может оказаться более или менее значительное число колдовских дел⁵. По-видимому, инквизиторы не считали колдовство ересью, подлежащей преследованию инквизицией, и в течение 60–70 лет с момента учреждения инквизиции обычно оставляли колдунов во власти епископских и светских судов. Однако постепенно мысль о тесной связи между колдовством и ересью начинает проникать в церковную среду, и все настойчивее выдвигается необходимость включить колдовство в сферу деятельности инквизиции и отождествить колдунов с еретиками, в частности с катарами и вальденцами.

⁵ Главное сочинение Бернарда Ги было впервые опубликовано под названием *Practica Inquisitionis hereticae Pravitatis* в 1886 г. французским епископом Целестином Дуэ (1848–1915). Ныне его сокращенное издание предпринято издательством «Безбожник» и оно выйдет на русском языке под редакцией профессора С. Лозинского.

Уже в первой половине XIII века против катаров и вальденцев, жестоко преследуемых и потому, естественно, совершавших свои религиозные обряды тайком, по ночам, в подполье, было выдвинуто обвинение в устройстве «синагоги сатаны». В этой «синагоге» происходят якобы самые ужасные виды богохульства, церковь и Христос подвергаются жесточайшим оскорблениям и для вящего посрамления истинной веры в эту синагогу прибывает сам сатана, которому оказываются отвратительнейшие почести и знаки благоговения. Появление сатаны дает повод стремиться в эту «синагогу» и колдунам, чтобы там, одновременно с катарами, выразить свои чувства дьяволу и получить от него те или иные указания относительно колдовства. Так происходят общие собрания еретиков и колдунов. Такие собрания не могут сблизить всех поклонников дьявола и не сплотить их в почти однородную еретическую массу. На этих собраниях колдуны вступают *добровольно в союз с дьяволом* и заключают с ним договор, «пакт».

* * *

Церкви давно был известен факт добровольного союза человека с дьяволом, теперь с середины XIII века, в связи с синагогой сатаны катаров, эти «пакты» стали обычным явлением – на страницах теологических трактатов их описаниями пестрят все работы как инквизиторов, так и прочих представителей католицизма.

Первый добровольный и в письменной форме заключенный договор с дьяволом известен еще из жизни набожного Теофила, служившего в Адане в середине VI века в качестве церковного эконома.

Когда аданский епископ умер, решено было избрать Теофила на его место, но из скромности Теофил отказался от епископства и был избран новый человек, не знавший Теофила и сместивший его с поста эконома, так как относился к нему с подозрением, не допуская мысли, что Теофил настолько скромен, что действительно не желал стать епископом. Оскорбленный в своих лучших чувствах, Теофил отправился к одному еврей, известному чародею, с просьбой помочь ему снова занять место эконома. Еврей повел Теофила в городской цирк, заранее указав ему, что он не должен ничего бояться и что ему следует лишь осенить себя крестным знаменем. В цирке оказалось множество людей, распевających песни с горящими факелами, посреди них на троне восседал дьявол и милостиво принимал знаки благоговения. Теофил опустился перед дьяволом на колени и стал целовать его ноги. Дьявол узрел в нем новичка и спросил причину его дерзкого появления в цирке. С глубоким земным поклоном Теофил ответил: «Пришел, чтобы беспрекословно тебе повиноваться». Дьявол привстал с трона, погладил Теофила по лицу и поцеловал его.

Теофил подпал под власть дьявола, отрекся от Иисуса и Марии и вручил дьяволу собственноручно написанную грамоту с восковой печатью о том, что он вступил в дьявольскую рать. На следующий день Теофил с большой торжественностью был восстановлен епископом в качестве церковного эконома, но, будучи ленником дьявола, стал вести горделивый образ жизни; вскоре Теофил почувствовал сильные угрызения совести. В течение 40 дней и ночей он умолял Пресвятую Деву о помощи; под влиянием беспрестанных молитв Дева не только смягчилась сама, но и уговорила сына своего простить грешника. Получив написанную Теофилом грамоту, она положила ее ему на грудь в то время, когда он уснул в церкви. Когда он проснулся и увидел на груди свою грамоту, его экстазу не было конца: он многократно во всеуслышание и самым публичным образом отрекся от своих заблуждений и славословил трижды показавшуюся ему Богоматерь. Он сжег грамоту и через 3 дня умер смертью праведника. Впоследствии церковь причислила его к лику святых, и народ был широко оповещен о великом подвиге святого Теофила.

Подвиг был велик, ибо нарушение дьявольского договора было крайне редким явлением: обычно договор был неразрывен и несокрушим. Он писался кровью добровольно вступившего в союз с дьяволом, который прикладывал к нему свой коготь.

В богословском трактате, напечатанном в 1625 г. Жильбером Воссим, помещено факсимиле подобных договоров с подписями: точки, к которым прикасались пальцы дьявола, покрыты ржавчиной и выжжены.

В Парижской Национальной библиотеке хранится факсимиле демона Асмодея и собственноручное письмо его, адресованное аббату Грандье. Письмо это было приобщено к делу 1635 г., возникшему в связи с эпидемией одержимости, охватившей общину урсулинок в Луденском монастыре. Письмо сыграло роковую роль в деле Грандье: он погиб, как вступивший с дьяволом в договор с целью погубить урсулинок Луденского монастыря, вербовавшего своих сторонниц из аристократических фамилий южной и западной Франции.

И о папе Сильвестре II говорили, что он заключил договор с дьяволом. Папа Сильвестр (Герберт) поражал X век огромными математическими и философскими познаниями, которыми он был обязан будто бы пакту с дьяволом. Согласно бенедиктинскому историку Вильгельму Мальмесбэри, Герберт родился в Галлии и в свою бытность монахом бежал в Испанию, где изучал у сарацин астрологию и магию; вскоре один мусульманский философ взял его в свой дом и научил его чернокнижию, благодаря чему он вступил в дружбу с дьяволом. Последний обещал ему содействие в достижении папской тиары. Вернувшись во Францию, Герберт открыл школу и имел многочисленных учеников, между прочими – и французского короля Роберта. Шумный успех руководителя школы обеспечил ему епископское кресло в Реймсе. Но епископство его не удовлетворило, и он переселился в Рим, где нашел в подземелье хранившийся клад императора Октавиана. Золото открыло ему путь к папскому престолу, и Герберт стал папою Сильвестром II⁶. Он изготовил магическую голову, которая отвечала на все его вопросы; от нее он узнал, что умрет лишь тогда, когда отслужит молитву в Иерусалиме. Сильвестр решил никогда не ездить в Иерусалим. Однажды ему пришлось совершить молитву в церкви «Святого креста, что в Иерусалиме», и после молитвы он тяжело захворал. Магическая голова указала ему на ловушку, в которую он по собственной вине попал, и Сильвестр понял, что наступил час смерти. Он созвал кардиналов, открыл свою тайну и был живьем разрезан на части и выброшен из храма. По другой версии, его тело положили на телегу с волами, похоронили на том месте, где волы стали, затем кости были положены в мраморный гроб, и с тех пор перед смертью каждого папы этот гроб покрывается обильным потом. Хронист Зигеберт (ум. в 1113 г.), наоборот, не упоминает о гробовом поте и заявляет, что Сильвестр не покаялся и был унесен чертом.

О некоторых случаях добровольного договора с чертом говорит и Вальтер Ман, указывая, в частности, на то, что «договорная грамота» зашивалась колдунами под кожу, и пока она там находилась, им ничто не угрожало; наказание могло их постичь только после извлечения этого договора из-под кожи. Цезарий Гейстербахский нам рассказывает, как один священник узнал благодаря некромантии, что под кожей у двух колдунов зашит договор с дьяволом. Узнав об этом, священник известил епископа, который извлек из-под кожи колдунов этот пакт и подверг преступников сожжению. Это было большим торжеством церкви, до того времени бессильной в отношении этих двух колдунов. Около 1270 г. известный немецкий проповедник Бертольд из Регенсбурга публично заявил, что договоры с дьяволом заключаются с целью нахождения скрытых в земле кладов. Такого же мнения был и Фома Аквинат, который различал два вида договоров: молчаливый и торжественно заключенный, так сказать, официальный.

---

⁶ О папе Сильвестре см. известный труд проф. Н. М. Бубнова. Сборник писем Герберта. 1890. 3 тома.

Ввиду огромной роли, которую играл Фома Аквинат в течение ряда столетий, необходимо посвятить ему несколько строк.

Начиная со времени появления в середине XIII века главных сочинений Фомы Аквината «Сумма теологии» и «Сумма философии», Фома и по сие время считается ортодоксальными католиками авторитетнейшим учителем. Он – отец церкви, церковный учитель, князь (*princeps*) теологов, доктор-ангел (*doctor angelicus*). Папы и соборы неоднократно словословили его и ставили свои деяния под сень этого авторитета. Папа Лев XIII в самом начале своего понтификата (1879) разослал всем патриархам, примасам, архиепископам и епископам католического мира специальную энциклику, где Фома Аквинат объявлялся учителем всей философии и богословия. Среди великих учителей схоластики далеко опережает всех прочих князь и магистр Фома Аквинат.

Можно сказать, что в соборах Лиона, Вьенны, Флоренции, Ватикана присутствовал святой Фома, который разбил с сокрушительной силой все ошибки греков, еретиков и рационалистов. Величайшая почеть, которая не выпадала на долю никого другого из учителей, была оказана Фоме отцами Тридентского собора, когда они во время торжественного заседания возложили на алтарь вместе со Священным Писанием и папскими энцикликами книги святого Фомы, чтобы черпать из них советы, правила и доказательства.

Из этих книг явствует, что ошибочно, преступно считать веру во всемогущество дьявола иллюзией, что дьявол есть действительный глава целого демонского царства, что демоны с поущения божьего обладают силою портить погоду, приносить людям всякого рода зло и мешать находящимся в браке выполнять их супружеские обязанности. Мало того, когда от совокупления дьявола с женщиной рождаются дети, то они произошли не от семени дьявола или того образа мужчины, в который воплотился дьявол, а от того семени, которое приобрел дьявол от другого мужчины. Дьявол в образе женщины, совокупляющейся с мужчиной, может принять и образ мужчины и совокупляться с женщиной (*Summa Fheol*, часть I, вопр. 51, а. 3).

И эту «мысль великий Фома всячески повторяет и в «Сумме против язычников», подробно останавливаясь на чародеяниях всяких колдуний и волхвов и оперируя такими понятиями, как *incubus* (лежащий на женщине мужчина-дьявол) и *succubus* (дьявол-женщина, лежащая под мужчиной). Богословски и философски обсудив эти положения, Фома допускает, впрочем, что есть дьяволы, которым благородство их натуры (*ex nobilitate naturae*) не позволяет прибегать к некоторым деяниям, они даже чувствуют к ним отвращение.

Вся эта философия находит одобрение не только в век особливо дьявольский, как называет XIII век Густав Росков, но и в наши дни. В 1889 г., ровно через 100 лет после Великой Французской революции, по распоряжению и на средства наместника бога на земле вновь были напечатаны бессмертные труды Фомы Аквината – конечно, с тем, чтобы верующее человечество твердо усвоило все изречения Фомы о «сверху» и «снизу» лежащих дьяволах (инкубах и суккубах). И по какой-то непонятной стыдливости немецкий переводчик «Сумм», доминиканец Чеслав-Мария Шнейдер, опустил некоторые места, казавшиеся ему, по-видимому, чересчур циничными, хотя с чисто иезуитской честностью он в предисловии говорит о совершенно полном немецком переводе творений Фомы⁷.

Почти одновременно с Фомой Аквинатом о деяниях дьявола, о заключении с ним добровольного договора и о близости к дьяволу колдунов заговорил и папа Григорий IX. Его выступление в защиту тезиса о существовании вредоносного дьявола было вызвано «чрезвычайно серьезными мотивами».

Жители округа Штедингга (в Ольденбурге), крепкие и зажиточные крестьяне, происшедшие из Фрисландии, имели частые столкновения с бременским архиепископом на почве

⁷ Graf von Hoensbnoech. Das Papsthum in seiner Sozialkulturellen Wirksamkeit. 2 тома. Лейпциг, 1900.

нежелания крестьян платить десятину и другие повинности. Так как упорство штедингских жителей наносило ущерб материальным интересам брекенской епархии, то архиепископ испросил в 1198 г. разрешения папы предпринять Крестовый поход против «еретиков», не повинующихся требованию церкви. Папа считал, что отказ от установленной церковью десятины – достаточный повод для объявления Крестового похода, и Штедингу была, казалось, приуготовлена тяжелая судьба.

Однако фризско-штедингские крестьяне оказались упрямыми и храбрыми воителями, и спор затянулся: крестоносные отряды терпели одну неудачу за другой, а брекенская церковь оставалась без десятины. При таких обстоятельствах решено было прибегнуть к очень серьезным мерам. В Риме заговорили о необходимости создания многотысячной крестовой армии, об устрашающем наказании штедингцев и об искоренении ереси, подрывающей материальные ресурсы церкви.

И папа Григорий IX, полный ужаса и возмущения по поводу тех страшных преступлений, которые совершаются насильниками и безбожниками, называющими себя штедингцами, опубликовал в 1233 г. буллу, в которой подробно излагались неслыханные и невиданные по своей гнусности дела жителей округа Штединга. Когда в эту школу отверженных вступает новый человек, писал глава христианского мира, ему является видение в образе лягушки, которую иные называют жабой. Некоторые гнуснейшим образом целуют ее в зад, другие – в рот и тянут ее язык и слюну, вкладывая их в свой собственный рот. Иногда жаба бывает натуральной величины, иногда она разрастается до размеров гуся или утки, а временами она величиной в кухонную печь. Далее новичку является удивительной бледности мужчина с поразительно черными глазами, худой и истощенный, без всякого мяса, из одних лишь костей. Новичок целует этого кощея и после поцелуя теряет всякое воспоминание о католической религии, и из его груди совершенно уже вырвана мысль о вере. Затем садятся за трапезный стол, а по окончании трапезы из стоящей возле стола статуи вылезает черный кот, ростом с собаку, он плетется задом с опущенным хвостом. Кота целуют все наиболее достойные; те, которые не имеют права его целовать, получают, однако, прощение от старейшего учителя, который обращается к коту с просьбой о прощении, сопровождающейся заверениями других о готовности слушаться и покоряться всем приказам черного кота. После этого тушатся огни и начинаются отвратительнейшие оргии, невзирая ни на какое родство и т. д. Если мужчин оказывается больше, нежели женщин, то мужчины живут половой жизнью с мужчинами же, и отвратительные оргии принимают чрезвычайно противоестественное течение. Точно так же поступают и женщины, если их больше, нежели мужчин. Удовлетворив временно свою похоть, они снова зажигают огни; из темного угла появляется человек, верхняя половина которого сияет солнечным светом, а нижняя половина – темна, как уже знакомый нам черный кот, но комната освещается лучами верхней части этого человека. Старейший учитель отрывает кусок одежды новичка и передает его сияющему со словами: «Господин, я это получил, а теперь передаю тебе». Сияющий в ответ: «Ты хорошо мне служил и еще лучше и вернее будешь мне служить. Твоему попечению передаю то, что я от тебя получил». Сияющий мгновенно исчезает.

И булла Григория IX, передавая с ужасом все подробности этих событий, точно боясь пропустить какую-либо деталь и стремясь в точности передать то, что действительно творится в пределах брекенских епархий, в заключение восклицает: «Кто может не разъяриться гневом от всех этих гнусностей!? Кто устоит в своей ярости против этих подлецов (*Filii peccitiae*)!? Где рвение Моисея, который в один день истребил 20 тысяч язычников? Где усердие первосвященника Финееса, который одним копьем пронзил и иудеев, и моавитян? Где усердие Ильи, который мечом уничтожил 450 служителей Валаама? Где рвение Матфия, истреблявшего иудеев? Воистину, если бы земля, звезды и все сущее поднялись против подобных людей и, невзирая ни на возраст, ни на пол, их целиком истребили, то и это не

было бы для них достойной карой! Если они не образумятся и не вернуться покорными, то необходимы самые суровые меры, ибо там, где лечение не помогает, необходимо действовать мечом и огнем гнилое; мясо должно быть вырвано».

И булла, адресованная 13 июня 1233 г. епископам Майнцу и Гильдесгейму и известная под названием «Голос в Риме» (первоначальные слова буллы), настаивает на вмешательстве в дело штедингцев светского меча и на вооруженном походе против них всех верующих во Христа. Мы же в уповании на божественное мягкосердие и на мощь апостолов Петра и Павла предоставим отпущение грехов, в силу данной нам власти развязать и отпускать всем, которые вооружатся и предпримут поход с целью искоренения этих еретиков, те же права и преимущества, которые даруются идущим в Крестовый поход в Святую землю.

То был первый, раздавшийся с высоты папского престола, призыв действовать огнем и мечом против тех, которые очутились во власти лягушечно-кошачьего дьявола, принимающего иногда размеры кухонной печи. Призыв папы возымел, разумеется, свое действие, и со всех концов северной Германии люди толпами стали устремляться в Бремен, где должен был быть назначен исходный пункт крестового похода.

«26 июня, – пишет историк Шумахер⁸, посвятивший специальную монографию штедингцам, – крестоносцы вторглись в восточную часть Штединга. Разгромы и грабежи приняли широкий размах. Убивали и детей, и женщин. Земля и небо становились красными от пролитого моря крови. Но не только пожиравший целые деревни огонь свидетельствовал о безумной ярости шедших под знаменем церкви людей; это подтверждало и пламя костров, в которое бросали взятых в плен, и неимоверная жестокость творилась именем религии, именем Христа. Однако штедингцы не поддавались. Отступив в западный угол своего большого округа, они создали в нем неприступную позицию и даже целиком истребили отряд в 200 рыцарей, во главе с графом Бурхардом Ольденбургским».

Когда бременский архиепископ Гергард убедился, что папскими «мечом и огнем» не истребить дьявольских сынов, он решил прибегнуть к действию водой и уничтожил шлюзы и плотины рек и ручьев штедингской области. Но и тут крестоносцев постигла неудача, и поход пришлось отложить до весны 1234 г. С первыми весенними днями появились, по словам аббата Эмо из Витт-Верума, словно тучи (*quasi nubes*), в Рейнланде, Вестфалии, Голландии, Фландрии и Брабанте целые толпы проповедников, которые звали и приглашали знатного и простолюдина на святое дело истребления впавших в чертовщину еретиков. Некоторые из проповедников забрели даже в Англию, доказывая бенедиктинцам Сент-Албанса необходимость участия в походе, так как штедингское зло может далеко распространиться и охватить весь христианский мир.

В апреле 1234 г. весь цвет германского рыцарства тронулся в поход.

В походе приняли участие граф Людвиг Равесберг, граф Флорентин Голландский, граф Отто Гельдернский, герцог Генрих Брабантский, Адольф VII Бергский, Вильгельм VI Юлихский, Дитрих из Клеве и многие другие.

День 25 мая, посвященный св. Урбану – первому папе, провозгласившему Крестовый поход, был торжественно отпразднован съехавшимися в Бремен рыцарями, а через два дня огромная армия, насчитывавшая до 40 тыс. человек, в сопровождении высших представителей духовенства, под церковное пение, тронулась в путь, и при деревне Альтенеш завязался бой между крестьянами и крестоносцами. 6000 крестьянских трупов покрыли местность у деревни Альтенеш, и папа Григорий IX, опасаясь, что рядом с трупами еретиков и проклятых мертвым сном покоятся и праведники из крестовой армии, распорядился снова освятить церкви и кладбища близлежащих местностей и воздвигнуть особый крест в память события, ежегодно воспеваемого в Бременском соборе при торжественных процессиях как

---

⁸ Die Stedinger. Бремен, 1865.

избавление долины нижнего Везера от страшного зла. Жертвующему «в день Альтенеша» милостыню дается двадцатидневное отпущение грехов, и еще в 1511 г. брекенское духовенство напоминает своей пастве о необходимости празднования для победы над штедингцами, самое имя которых, по словам Риполла, чья книга одобрена святейшим Бенедиктом XIII, означает смесительство, ибо штедингцы прибежали к самому отвратительному виду кровосмесительства.

Призывая к поголовному истреблению штедингцев и описывая в булле «Голос в Раме»⁹ подробности мнимого ритуала страшных еретиков из Штединга, Григорий IX отождествлял их с катарами и вальденцами и в то же время сближал этих еретиков с колдунами, которые, правда, до сих пор не считались еретиками в прямом смысле этого слова, но которые в своей «практике», в своих «ритуалах» будто были близки катарам. Ведь катары на своих тайных собраниях, на синагогах сатаны якобы совершали те же отвратительные акты, что и колдуны, а так как катары представляют собою еретиков, *то и колдуны не могут не быть еретиками, подлежащими ведению инквизиции.*

Как колдуны, так и еретики являются вассалами своего сеньора – дьявола и приносят ему обычный в феодальном мире гомагиум (почтение), выражающийся поцелуем. Если место поцелуя отвратительно, то это, по мнению Вильгельма Парижского, объясняется тем, что именно из-за отвратительности акта бог допускает его, и если бы он не был так гнусен, то был бы вообще невозможен. И на тему о синагогальных оргиях, о дьявольских поцелуях, о ночных собраниях еретиков и колдунов, о блуде, богохульстве, о повальном грехе, о содомских извращениях пишутся многочисленные «ученые» и «неученые» работы, выводы которых сводятся к тому, что еретики и колдуны мало чем отличаются друг от друга, и если первые подлежат инквизиционному суду, то нет основания изымать вторых из-под его власти, так как в действиях колдунов еретический элемент достаточно силен, чтобы останавливаться еще на вредительской стороне их деятельности.

Они в большей степени грешники, чем преступники; они не должны пользоваться льготами светских и епископских судов. И авторитетный инквизитор Николай Эймерик много раз в своем руководстве подчеркивает, что с юридической точки зрения важно не зловредительство колдуна, а характер его связи с дьяволом и выяснение того, требует ли колдун от дьявола того, что, по учению церкви, доступно исключительно лишь богу. Если он этого требует и верит, что дьявол не уступает во всемогуществе богу, то он еретик, ибо это есть ошибка в мышлении (*error in ratione*).

Сближение колдунов с катарами, сделанное церковниками в интересах распространения на первых жестоких норм инквизиционного судопроизводства, вело к тому, что из индивидуального преступления колдовство превратилось как бы в коллективное, и возникла мысль *о колдовской секте*, члены которой, собравшись группой, совершают общий акт поклонения дьяволу, получают от него общие указания и совместно осуществляют его волю, его приказания. Разумеется, групповые, сектантские преступления приобретали в глазах церкви более тяжкую форму, чем индивидуальные, и с конца XIII века каждый разоблаченный колдун влечет за собою розыски его сообщников, братьев по секте. Эти розыски, сопровождавшиеся в инквизиционном судопроизводстве сознанием преступников во время пыток, выдачей мнимых соучастников преступления, доносами, ссылкой на общее мнение, разными формами подозрения, временным заключением на предмет более определенного

⁹ Рама (собственно – «высота») – название нескольких местностей в Палестине, сохранившиеся в некоторых случаях поныне в форме er-Ram. Наиболее известен тот город Рама, где будто бы родился, жил и умер израильский пророк Самуил. Город этот находился на расстоянии шести римских миль от Иерусалима, против Бет-Эля. Средневековые библейские комментаторы нередко толковали слово «Рама» не как собственное имя, а как обозначение понятия – «громкий голос». Рама, под греческим именем Аримафия, упоминается в евангелиях, в Аримафии жил, согласно Еванг. от Иоанна (XIX, 38–42) и Лук (XXIII, 50–53), Иосиф Аримафейский, который испросил у Пилата позволения снять тело Иисуса с креста.

установления вины, стали ныне применяться к получившему характер сектантского движения колдовству и вызвали здесь такие же отвратительные явления, как и при преследовании других видов ереси. Начинаются массовые казни и открытия целых гнезд колдунов.

Оправданием для вмешательства инквизиции послужили еще и постановления папы Александра IV, а также ряда богословских авторитетов о том, что в круг ведения инквизиции входит не только ересь в узком смысле, но и все, что «явно пахнет ересью» (*haeresim manifesto sapit*). Разумеется, установление «пахучести» дела предоставлялось произволу суда, которого несколько не ограничивала оговорка о явности еретического запаха. Бесконечные схоластические толкования выражения «явно пахнет» в конечном счете клонились к подведению всякого колдовства под понятие о ереси, подлежащей инквизиционному суду. Так «синагоги сатаны» с их собраниями, на которых приносилось почтение (гомагиум) дьяволу, имели роковое значение для колдунов, загнанных этим «коллективным почтением» в страшные колодки инквизиционного суда.

Эти же синагогальные собрания расширили и объем представлений о колдовстве и создали новый вид колдовства – мы имеем в виду *ведовство*.

Синагогальные собрания изображались злостными фантазерами в виде многолюдных сходок, на которых присутствовали катары, вальденцы и колдуны из разных местностей; чем больше было посетителей на этих сходках, тем более торжественный они носили характер и тем ярче проявлялись на них блуд, богохульство и поклонение дьяволу. Инквизиторы поэтому подчеркивали многолюдность собраний и утверждали, что истинное число их посетителей скрывается попавшим в руки суда еретиком. Необходимость изобретения огромных сходок толкала богословскую мысль на путь преодоления дьяволом дальности расстояния и перебрасывания им своих поклонников с места на место с помощью наделения их способностью летать по воздуху и совершать таким образом самые далекие путешествия. Об этой способности говорил еще Августин Блаженный, и если он определенно утверждал лишь о «фантастикуме», т. е. о перелетах души, то вопрос о телесном путешествии по воздуху он оставлял открытым, заявляя, что не знает, вознесся ли к третьему небу апостол Павел телом или душой. Колебания Августина составляли предмет бесконечных рассуждений богословов. Казалось, что канон *Episcopi*, долгое время приписываемый Анкирскому собору, решал этот вопрос бесспорно в сторону невозможности телесных полетов и снимал его окончательно с обсуждения, заявляя, что вера в ночные путешествия людей по воздуху является впадением в заблуждение язычников и внушается маловерным волею не божественного, а злого духа.

На самом деле, однако, этот канон оказался бессилён в борьбе с церковной схоластикой, продолжавшей, после некоторых колебаний и временной нерешительности, утверждать сначала возможность, а затем и реальность воздушных человеческих путешествий.

Ввиду огромной роли, которую играл канон *Episcopi* в католической литературе, приводим его полностью согласно «Корпусу канонического права» (2-е изд. Лейпциг, 1879. С. 1030–1031).

Он гласил:

«Епископы и священники должны стараться всеми силами искоренить совершенно из своих приходов дьяволом изобретенное пагубное искусство гадания и колдовства, и если кого-либо, мужчину или женщину, заподозрят в принадлежности к подобного рода преступлению, пусть епископы и священники изгонят их из своих приходов самым постыдным образом, ибо апостол сказал: “Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самонужден” (Послание к Титу, гл. III, с. 10). Будучи развращены, пленены дьяволом и покинуты создателем, они ищут помощи у дьявола, а посему церковь должна быть очищена от подобной заразы. Не следует упускать из внима-

ния и того, что некоторые преступные женщины, совратившиеся вслед сатаны (I послание к Тимофею) и соблазненные внушением и нашептываниями демонов, верят и утверждают, будто они ночью порой скачут на каких-то животных с Дианой, языческой богиней, или с Иродиадой и бесчисленным множеством других женщин и будто они проносятся таким образом в безмолвии глубокой ночи через необозримые пространства, повинувшись во всем велениям богини и являясь по ее вызову на служение ей в известные ночи. И пусть бы они одни погибали в своей неверии, а то они увлекают на путь гибели и других. Ибо бесчисленное множество, обольщенное этим ложным мнением, верит, что это правда и, веря так, уклоняется от правой веры и впадает в заблуждение язычников, полагая, что кроме Единого Бога существуют какие-то другие божественные существа. А посему священники во вверенных им церквях со всею настоятельностью должны проповедывать народу, что все это сущая ложь, и внушать, что подобные видения вселяются в души маловерных силою не божественного, но злого духа. Именно сам Сатана, который преображается в ангела света, пленяет женщину, подчиняет ее себе, понуждает к отпадению от веры, затем принимает образы и подобия различных лиц и ведет с нею во время сна демонскую игру, показывая ей то веселые, то печальные виды, то знакомых, то незнакомых лиц. При этом совратившийся ум полагает, что все это происходит не духовно, но в телесном виде. С кем же, конечно, не бывает, что в ночных грезах он будто покидает самого себя, и кто во сне не видывал того, чего не приходилось никогда видеть наяву. Но кто же может быть столь глуп и безрассуден, чтобы все подобное, что происходит с духом, относить и к телесному существованию? Пророк Иезекииль, как он сказал, видел и слышал Господа не в плоти, но в духе и ап. Павел не решился сказать, что был восхищен во плоти. Посему всенародно должно быть объявлено, что тот, кто верит чему-нибудь подобному, является отступником от веры; а кто не имеет правой веры в бога, тот уже не чадо божье, а чадо того, в кого он верит, т. е. дьявола. Ибо самим Господом написано: «“вся тем быша”» (еванг. от Иоанна). Следовательно, если кто верит в возможность того, что какое-либо существо может измениться или преобразиться в лучшее или худшее состояние, в иной образ или подобие без участия самого Создателя, который все творит и которым все создано, тот, вне сомнения, неверный и хуже язычника» (2-я часть Декрета Грациана, предм. XXVI, вопрос V, канон XII)¹⁰.

В духе этого канона Альберт Великий, как и Александр Гальский, заявляет, что ламии (летающие существа женского рода) не являются ни демонами, ни людьми; они – кровожадные звери, лишь принимающие образы женщин, но они не опасны ни для женщин, ни для мужчин. Против этого мнения, хоть и опиравшегося на канон, богословская наука выдвигала два аргумента. Во-первых, доказана сила дьявола, двигающая по воздуху телесное существо; во-вторых, известны факты вознесения человека ввысь, так называемый рапт, о котором убедительнейшим образом говорил Августин Блаженный. О безансонском епископе Антидии, например, было известно, что он за несколько часов совершил ночной полет из Безансона в Рим и обратно. Это чудесное путешествие было описано в его «Житие» в XI веке; оно было подтверждено в том же веке Зигбертом из Жамблу, а позже и Викентием из Бове. И знаменитый Цезарий Гейстербахский около 1220 г. рассказывает, как в Гассельте одна женщина задом вылетела из бочки, крикнув: «Вот я из власти бога передаю себя во власть дьявола». Дьявол немедленно ее подхватил, и изумленный народ долго наблюдал, как она неслась высоко над горами и лесами. Тому же Цезарию был известен случай с северо-французским рыцарем, который за одну ночь пропутешествовал в воздухе из своего дома в

¹⁰ Кельнский ученый Иосиф Ганзен убедительно доказывает, что пресловутый канон «Епископы» не был принят ни собором в Анкире (ныне – Ангора), ни другим собором. Скорее всего, мы здесь имеем дело не с каноном и даже не с каким-нибудь церковным решением, а со светским распоряжением, ошибочно приписанным собору и вообще духовной власти. Эта мысль проф. Ганзена как нельзя лучше подтверждается упомянутыми нами распоряжениями лонгобардского короля Ротара и императора Карла Великого, так резко осудивших веру в ночной полет женщин.

Индию и обратно, несомый дьявольской мощью. По скорости полета с ним мог конкурировать разве что тот крестоносец, который на заколдованном коне за час прилетел из Иерусалима в Льеж и обратно.

Подобные путешественники иногда терпят крушения, как констатирует тот же Цезарий: «Так, за иглу на башне в Изенбурге зацепился летевший на черном быке пономарь». Гораздо счастливее его оказался любекский монах, поднявшийся намного выше купола всех любекских церквей. Но не только несколько легковерный Цезарий приводит в большом числе несомненные доказательства ночных полетов – от Цезария по существу ничем не отличается серьезный и авторитетный доминиканец Томас из Шантемпрэ (Кантипританус), близ Камбрэ.

В своем «Пчелином государстве» (см. А. Кауфман, Т. Шантемпрэ. На нем. яз. 1899) Томас приводит немало эпизодов в духе Цезария и рассказывает нам, как некоторые мужчины играли роль путеводителей для множества крестоносцев; путь в Палестину был хорошо знаком этим путеводителям, ибо они ночью на своих волшебных конях нередко перелетали из Иерусалима в разные города Западной Европы.

Тот же Томас упоминает о том, как в 1256 г. в Брабанте опасно заболевшие женщины уносились из кровати дьяволом, заменявшим их другими «ложными телами» (*flgmenta*); последние умирали, их хоронили, а улетевшие женщины продолжали где-то спокойно жить, как ни в чем не бывало. Томас нисколько не удивляется этому: ведь даже самые обыкновенные колдуны при фараоне могли превращать палку в змею, вызывать лягушек и воду обращать в кровь...

И как, в самом деле, можно было отрицать способность дьявола переносить человека по воздуху, раз человеческая душа, человеческий дух может приводить в движение наше тело, телесное существо? Ведь дух дьявола сильнее человеческого духа, и то, что доступно последнему, не может не быть доступным и первому. Сомневающимся указывали на последние две главы книги Даниила, в которых говорилось о полете Хабакука¹¹, а также на унесенные дьяволом Иисуса на вершину храма, а оттуда – на высокую гору.

Но как примирить эти факты и выдвинутые богословской мыслью теоретические положения со знаменитым канонem Episcopi, считающим полеты женщин бредовой фантазией людей, ставших хуже язычников? Много изощренности и лукавой мудрости было потрачено, чтобы смягчить запрещение веры в летающих ночных женщин и добиться положения, что *канон этот по существу вовсе не исключает возможности веры в женский ночной полет*, а когда «факты», собранные инквизицией под пыткой, засвидетельствовали «реальность» этих полетов, нетрудно было робкие высказывания о совместимости канона «Епископы» с верой в ночные полеты превратить в твердое категорическое положение и воспеть победный гимн в честь истины, гласящей: вступившие в договор с дьяволом женщины, получившие название ведьм, слетаются ночью на свои собрания, именующиеся шабашем.

Выгодное для инквизиции толкование канона началось с того утверждения, что канон не имел в виду тех женщин, которые привлекаются к ответственности в качестве ведьм; женщины канона «Епископы» не отрицали Христа, не поклонялись дьяволу, не блудствовали с ним и не причиняли maleficium. Летающие по ночам женщины вместе с Дианой или Иродиадой действительно представляют собой жалкую фантазию, вера в которую была осуждена пресловутым канонem; но из этого не следует делать вывода, что околдованные женщины, исповедующие самые отвратительные учения, должны отождествляться с упоминаемыми канонem женщинами и не могут летать по воздуху и совершать самые ужасные преступления.

---

¹¹ Хабакук, или Аввакум, – пророк, автор названной по его имени восьмой книги сборника так назыв. «Двенадцати пророков». В греческих прибавлениях к книге Даниила рассказывается, что Аввакум, будучи в Иудее, чудесным образом был перенесен ангелом в Вавилон, к лавиной яме, где содержался Даниил, для того чтобы доставить узнику пищу.

ния. Ежедневные факты свидетельствуют, что канон не может относиться к этому новому виду преступления, с которым инквизиции впервые пришлось столкнуться в 1239 г.

В этом именно году были в один день сожжены в Монт-Эме близ Шалона на Марне 182 катара; сожжение носило очень торжественный характер и собрало много представителей духовенства и массу горожан и крестьян. Инквизитору удалось добиться от одной преступницы признания, что она в одну ночь совершила полет из Шампани в Милан, где присутствовала на торжественной трапезе, совершавшейся миланскими и иными катарами. При своем воздушном путешествии она вместо себя оставила в кровати рядом с мужем дьявола, принявшего ее образ и ввергнувшего мужа в заблуждение относительно ее исчезновения. Правдивость и точность этих слов тем меньше могли вызывать сомнения, что сознания этой «жалкой катарки» добился известный инквизитор Роберт Ле-Бугр, который в течение 20 лет был в Милане катаром, прекрасно знал нравы и верования этой секты и в 1233 г. был назначен папой Григорием IX инквизитором, чтобы, применяя свои обширнейшие познания в этой области, лучше служить делу искоренения ереси¹².

Случай в Монт-Эме, с «очевидностью, бросающейся в глаза», показал возможность многолюдных ночных собраний, не считавшихся ни с дальностью расстояния, ни с различием языков и обычаев, ни с полом, ни с возрастом. Отныне инквизиция заговорила о летающих из разных концов Европы стаях и для уловления этих преступников разбросала по многим странам настоящую сеть инквизиционных трибуналов. Эти собрания, получившие название «*шабаши*», были почти однообразны, построены в общем по одному и тому же типу, с одинаковым ритуалом.

Различали по многолюдности два вида шабаша: малый и большой.

На большой собираются ведьмы целого округа, обычно на покинутом кладбище, вокруг виселицы, развалин замка или монастыря. Чтобы попасть на шабаш, ведьмы пользуются специальной мазью, приготовленной из печени детей, умерших некрещеными. Достаточно ведьме намазать себе тело этой мазью, произнести магическое слово и сесть верхом на помело, чтобы сейчас же полететь по воздуху и очутиться на месте шабаша. Ветер, буря, дождь, время, расстояние, тьма и иные помехи отступали перед магическими словами ведьмы, вылетающей то из трубы, то даже из герметически закрытой комнаты. Однако, прибыв на место, ведьмы подвергались осмотру и должны были доказать, что имеют на теле «печать сатаны», т. е. места, до которых некогда дотронулся дьявол, сделавший их навеки нечувствительными. После этого начиналось поклонение сидевшему на троне дьяволу, украшенному длинным хвостом и имевшему козлиные ноги и крылья, как у летучей мыши¹³.

На шабаше все происходило наизнанку: дьяволу отвешивали низкие поклоны, повернувшись спиной; отрекались от Бога, Богородицы, святых и посвящали себя дьяволу. Сатана издевался над крещением, заставлял всякого наступать на крест: ведьмы и колдуны, имея в руках факелы, бешено танцевали, повернувшись друг к другу спинами; в полночь падали ниц, и затем открывалось пиршество. В изобилии пожирались жабы, а также печенки, трупы и сердца детей, умерших некрещеными; пиршество сопровождалось циничными танцами

---

¹² Бывшие катары и перешедшие затем в лоно истинного католицизма Роберт Ле-Бугр, Петр из Вероны и Райниер Саккони были самыми грозными инквизиторами в XIII веке; их руками были сожжены сотни катаров и вальденцев.

¹³ Описание шабаша далеко не у всех специалистов совершенно одинаково. Так, известный своей жестокостью французский судья Николай Реми, прозванный лотарингским Торквемадой, в своем сочинении «Демонотатрия» говорит, что ведьмы на своих шабашах ели пищу, получавшуюся из Саламанки, пища не имела соли. (По-видимому, какой-то каламбур: Саламанка могла означать недостаток соли). В пищу никогда не шел также хлеб, чтобы избежать даже намека на евхаристию. На шабашах ведьмы собирают тучи и вызывают бури – вот почему, рассуждает Реми, при грозе необходимо звонить в церковные колокола, так как этим отгоняется дьявол, а также рассеивается шабашная сходка. (О церковных колоколах на службе магии и царизма – см. книжку проф. Гидулянова, издательство «Атеист», 1930). В Лотарингии шабашы обычно происходили по субботам и средам; однако, прибавляет Реми, изредка и в другие дни устраивались дьявольские и ведовские собрания.

и ужасными оргиями, за которыми следовала черная обедня. Облаченный в черную ризу дьявол злобно издевался над христианской службой и предлагал для поклонения огромную красную морковь. До появления зари и пения петухов происходило пиршество вперемежку с танцами, оргиями и карикатурной церковной службой. Первые лучи света разгоняли ведьм, и они разлетались, точно пуганые вороны. По пути они выбрасывали свои мази и яды на жатву и тем самым ее губили; если путь был очень далек, ведьмы оборачивались в домашних животных и возвращались домой незамеченными.

Не следует думать, что ведьмы причиняли обществу вред лишь в дни шабаша. Нет, с первого момента знакомства с дьяволом на людей сыпались разные бедствия, главным образом благодаря магическому порошку, который вручался дьяволом ведьме в качестве символа заключенного союза. Ведьмы систематически и упорно разбрасывали щепотки этого порошка, изготовленного из толченых костей мертвецов с пеной жаб, и от этого гибла жатва, поля покрывались червями, жабами, сусликами и змеями, умирали люди, пища, в которую попадал порошок, становилась ядовитой и причиняла верную гибель человеку. Мало того, с помощью магической палочки, которой ведьма ударяла по луже, она вызывала проливные дожди и грозный град, переносила плодородие с поля одного крестьянина на поле его соседа и т. д.

Все это ведьма производила как по собственной воле, так и по приказу дьявола, и если она пыталась не повиноваться ему, он бил и терзал ее, вселялся в нее и делал ее одержимой, т. е. ее устами изрекал кощунства, ее руками причинял скверну, ее ногами топтал чужую жизнь и чужое имущество и вообще всячески издевался над нею, и она оказывалась не менее опасной, чем в состоянии активного ведовства.

Нельзя сказать, что ведьмы были счастливы: в огромном большинстве случаев дьяволы не исполняли тех обещаний, которые они давали при заключении договора: обещанные деньги и драгоценности вскоре превращались в мусор, жаб и кротов, и дьявол обманывал всех, кто только с ним вступал в какие-либо сношения¹⁴.

По-видимому, первой жертвой этого нового вида преступления, когда женщина обвинялась в сожигательстве с дьяволом и производила ночные путешествия по воздуху на шабаш, нужно считать 56-тилетнюю аристократку из Тулузы – Анжелу Лабарт, у которой от сожигательства с дьяволом родилось чудовище с волчьей головой и хвостом дракона. Каждую ночь Анжела краля маленьких детей, которыми она кормила свое чудовище. Все эти факты с большой достоверностью, тем меньше исключаящей сомнения, что Анжела сама созналась в еженощных совокуплениях с дьяволом, были установлены инквизитором Гуго Леонилом, который сжег преступницу на большом аутодафе в 1276 г.

До Анжелы Лабарт несколько преступниц в окрестностях Трира подверглись тому же наказанию, но они не сознались, что сожигательствовали с дьяволом; они были основательно изобличены в подозрительных сношениях лишь с жабой и кошкой. Мужчин не жгли на кострах за сношения с котами и козлами, так как это не было еретическим преступлением.

---

¹⁴ Кроме указанной литературы см.: Ду э. Южные еретики в XIII веке, 1891 (на франц. яз.); Молинье. Инквизиция на юге Франции в XIII и XIV веках, 1880 (на франц. яз.); Штаппер. Папа Иоанн XXI, 1898 (на нем. яз.); Гильдемейстер. Немецкая народная жизнь в XIII в., 1889 (на нем. яз.); Газ а к. Христианская вера германского народа на исходе Средневековья, 1868 (на нем. яз.); Янсен-Пас то р. История германского народа (в особенности 8-й том), несколько изд. на нем. яз.; Вехтер. Очерки по истории Германии, 1845 (на нем. яз.); Шницер. Католическое брачное право. 5 изд. . . 1898 (на нем. яз.); Фридберг. Каноническое и церковное право, 1896 (на нем. яз.); Прунер. Руководство по католической моральной теологии, 1875 (на нем. яз.); Гепфер. Моральная теология, 1897 (на нем. яз.); Липперт. Христианство, народные верования и обычаи, 1881 (на нем. яз.); Реньяр. Умственные эпидемии, 1889; Кестлин. История дьявола и веры в ведьм, 1882 (на нем. яз.); Мейер. Период ведовских процессов, 1882 (на нем. яз.); Кантарович. Средневековые процессы против ведьм, 1899; Н. Сумцов. Очерк истории колдовства, 1878; Жан Маркс. Инквизиция в Дофинэ, 1914 (на франц. яз.); Л. Та нон. История французских инквизиционных трибуналов, 1893 (на франц. яз.); Жан-М. Видаль. Инквизиционный трибунал в Памье, 1906 (на франц. яз.); А. Тюбервиль. Средневековая ересь и инквизиция, 1920 (на англ. яз.); Вакандар. Инквизиция, 1912 (на франц. яз.).

Первым папой, заговорившим о союзе, заключенном между людьми и дьяволом, был Иоанн XXII, сам заподозренный в связях с дьяволом.

В своей булле *Super specula* он «с болью в сердце» констатирует, что есть люди «лишь по имени христиане», которые приносят жертвы дьяволу, молятся ему, изготавливают картины, зеркала и кольца, а также бутылки, куда чудодейственным образом вгоняют дьявола, с которым они заключили союз. К вогнанным дьяволам эти люди обращаются с разными вопросами, умоляют их о помощи, и «эта отвратительная чума наносит страшный вред стаду Христа». Иоанн поэтому считает себя вынужденным опубликовать распоряжение, «сила которого останется вечной», чтобы под угрозой изгнания никто не обучал и не учился чему-нибудь из указанных мерзостей, и «так как справедливо, чтобы те, которые своими действиями презирают Всевышнего, были за них сурово наказаны, мы отлучаем от церкви всех тех, которые идут против наших спасительных указаний и приказов и делают кое-что из указанных мерзостей. Мы настаиваем, чтобы те, которые в течение восьми дней от опубликования нашего предупреждения не исправились, помимо конфискации имущества, были выданы на основании того, как поступают со всеми еретиками, соответствующим судьям для наказания».

Насколько Иоанн XXII был убежден в коварстве дьяволов, видно из того, что он был занят поисками змееобразного рога (контртрюмбон), с помощью которого можно было найти в любом предмете заложенный в нем чудесным образом яд. Когда он, наконец, нашел обладательницу этого рога, он предлагал ей за него в залог все свое движимое имущество. Сделка была совершена, и Иоанн немедленно издал грозное распоряжение, в котором говорилось о разных карах в отношении того, кто незаконным образом похитит у него этот рог.

Ему вечно мерещился яд, и Иоанн XXII публично выступил со следующим заявлением: «Колдуны Яков из Брабанта и Иоганн из Аманто изготовили яд, чтобы погубить нас; но так как им никогда не удавалось найти случай дать нам его выпить, то они изготовили наше восковое изображение, чтобы прободением его нас умертвить. Но бог нас спас и передал нам в руки это восковое изображение». Однако это спасение, по-видимому, успокоило его лишь на короткое время, так как известно, что всю свою долгую жизнь Иоанн XXII боялся «прободения восковой картины, его изображавшей».

В изготовлении подобной картины папа заподозрил магистра Гуго Герарди, лагорского епископа. Несчастный был доставлен в Авиньон, в резиденцию папы; его преступление было доказано, его лишили сана и сожгли.

Разумеется, вера в восковые волшебные изображения, раздавшаяся с высоты папского престола, стала распространяться по всему христианскому миру, и Герарди не был единственной жертвой этого безумия.

15 ноября 1347 г. перед епископом Альбертом из Манда (в Лангедоке) предстал священник Стефан Пепен по обвинению в том, что четыре года тому назад он намеревался через восковое изображение епископа умертвить его. Под пыткой Стефан сознался в своем преступном намерении: он действительно приобрел два фунта воска, изготовил фигуру епископа, произнося при этом известные магические слова. Фигуру он не окрестил; на ней он написал имена шести духов, его сотрудников и подстрекателей. На вопрос о том, вогнаны ли были эти шесть духов в самое изображение, был получен неопределенный ответ: искусству вогнания его обучал один великий учитель, убедивший его в том, что человек может этому легко научиться; нельзя вогнать в изображение лишь Люцифера, так как последний уже «богом прикреплен к северному ветру».

Подобный процесс имел место и в 1339 г. в Каркалоне, где обвинялся монах Рекорди, изготавливавший женскую восковую фигуру с целью снискать любовь со стороны оригинала.

Вскоре подобные обвинения, со ссылкой на авторитет Иоанна XXII, стали обычным явлением, и вслед за восковой фигурой выступили всякого рода изображения, через посредство которых наносился «страшный вред» тому или иному врагу колдуна или ведьмы.

Усиление преследований этого рода колдунов и ведьм некоторые исследователи (Сольдан, Росков и другие) приписывают личному страху Иоанна XXII перед дьявольщиной. В действительности папа являлся лишь выразителем общей политики феодальной церкви. Папские буллы и всякие иные выступления римского первосвященника лишней раз содействовали укреплению тех предрассудков, одним из многих поборников которых являлся сам папа, который в 1320 г. давал инквизиции самые широкие полномочия в деле преследования именно ведовской ереси.

И не случайностью, разумеется, является то, что среди осужденных в Каркасоне в период от 1320 г. до 1350 г. 400 еретиков, как полагают, большая половина была причастна к ведовству, причем последнее понималось в пассивном смысле, т. е. без формального заключения союза и договора с дьяволом.

Но средневековому человеку, воспитанному в условиях феодального бытия, идея союза, сообщества была слишком знакома, чтобы можно было не прийти к выводу о создании всяких сообществ. Цехи, корпорации, касты и всякие иные объединения были перенесены и в дьявольскую среду – точно так, как там стали «естественным» явлением вассальные связи, гомагиум (почитание) и другие атрибуты феодального строя. Вся система дьявольских отношений строилась на феодальных отношениях, существовавших в обществе, и этим она приобретала еще большую достоверность и легче воспринималась теми, которые не были в силах оставаться в стороне от все более и более распространяющегося убеждения во всемогуществе и вездесущности дьявола.

Материальная нужда, все усиливающаяся эксплуатация крестьянства, частые голодовки, нищета, эпидемии – вот причины, в силу которых народ охотно откликался на даваемые церковью объяснения, и чем сильнее распадался феодальный режим, чем ненадежнее становилась жизнь выбитого из колеи средневекового человека, тем легче поддавался он на дьявольскую удочку и тем крепче держался он за церковное объяснение, доступное его элементарному мышлению.

Тяжелое положение женщины, ставшее особенно острым в связи с разложением натурального хозяйства и феодального общества вообще, способствовало тому, что дьявол пожинал особенно богатую жатву среди женщин. Непринимаемые ни на какие службы, недопускаемые в цехи, отталкиваемые насильно от трудовой жизни, женщины страдали особенно сильно.

Численно превосходя мужчин, ввиду неучастия ни в войнах, ни в междоусобицах, ни в опасных предприятиях, ни в изнуряющих занятиях, ни в тяжком, подрывающем силы труде, женщины оказывались в избыточном количестве и наполняли собою монастыри и всевозможные «богоугодные» и благотворительные учреждения. Оставаясь вне брачных уз и зачастую ведя затворническую жизнь, женщина становилась жертвой своей половой неудовлетворенности и впадала в опасную созерцательность и мечтательность. Эта почва была чрезвычайно благодатна для безумных бредней церкви о дьяволе и демонах. Со всей страстностью физической неудовлетворенности женщина бросалась в объятия той фикции, которую церковь сделала реальностью и в которую так крепко поверила глубоко невежественная истеричная женщина, выбитая из строя разлагавшимся феодальным обществом. И женщина – вместо того, чтобы выходить замуж, всходила на костер и приносила безумные жертвы собственному невежеству и взлелеянной церковью фантазмагории. Больные женщины оказались в роли самых сильных представителей дьявола, и церковь не щадила сил, чтобы вырвать с корнем этих наиболее опасных и упорных еретиков; в этой кровавой расправе церковь продолжала творить свое старое гнусное преступление. Она никогда и нигде не отрицала

сношений женщины, идущей на костер, с дьяволом; она никогда не называла ее больной и слова обезумевших жертв выдавала как признание реальной связи преступницы с врагом человеческого рода.

Сжигая женщину как опаснейшую преступницу, церковь лишь укрепляла в обществе идею ведовства и дьявольщины и сеяла вокруг себя безумие, которое тут же становилось жертвой всепожирающих appetитов церкви. Будучи источником опаснейшего суеверия, питая все слои населения губительным ядом фантазмагорий, церковь не могла, конечно, искоренить того дела, которое ею же возвращалось.

* * *

Среди всеобщего безумия раздавались время от времени отдельные голоса, робко протестовавшие против шабаша, ведовства и культа дьявола. Голоса эти были очень немногочисленны. Отметим приора Сен-Жермена – Вильгельма Эделина. 12 сентября 1453 г. Вильгельм был привлечен епископом Эврэ к суду за то, что он в своих проповедях отрицал полет ведьм по воздуху на поленах, метлах, помелах и палках. Ему вменялось в вину, что эти дерзкие проповеди внушались ему дьяволом, заключившим с ним союз со специальной целью распространять мысль об иллюзии той реальности, сомневаться в которой может лишь тот, кто действует под влиянием дьявола.

Исход суда был таков, что Вильгельм сознался, что он действовал по наущению дьявола, и таким образом лишь подкрепил всеобщее учение о существовании дьявола – учение, которое и отражало моральное состояние общества того времени, и укрепляло его в отстаивании подобного мировоззрения. И как мог правоверный приор отрицать силу дьявольского колдовства, когда за 60 лет до его выступления генеральный инквизитор Николай Эймерик в своем систематическом руководстве для инквизиционных судей указывал на чародейство, как на еретическое или «пахнущее ересью» явление, подлежащее искоренению, подобно прочей ереси, и книга его стала почти обязательной для каждого католического проповедника и церковного служителя.

Вильгельм Эделин обязан был также знать знаменитое сочинение «Муравейник» известного доминиканца и инквизитора Иоанна Нидера, венского профессора теологии, впоследствии приора доминиканских монастырей Нюрнберга и Базеля. Это сочинение, вышедшее в 1441 г. первым изданием и переиздававшееся семь раз через сравнительно небольшие сроки, подробно говорило о дьявольских похождениях и утвердительно отвечало на вопрос, может ли родиться ребенок от сношений дьявола с человеком.

Нидер, вместо теоретических выкладок, ссылается на бесспорные факты и от себя лишь прибавляет, что забеременевшая от дьявола молодая девушка не теряет девственности. Впрочем, «подобная беременность зачастую – одна лишь видимость: разрешение от бремени кончается ветром». Причину этого Нидер видит в «муравьиных яйцах», которые дьявол очень легко может заставить проникнуть в женское тело.

В качестве доказательства Нидер приводит следующий факт. Когда он был еще студентом Кельнского университета, одна 16-тилетняя девушка проглотила муху, залетевшую ей в рот; муха была дьявольского происхождения, и девушка с тех пор сделалась одержимой. Нидер знал также одну «святую женщину», которую изнасиловал дьявол, причем он оплодотворил ее настоящим мужским семенем в таком количестве, которым «могла обладать разве тысяча мужчин». Все это должно было быть известно приору Вильгельму Эделину, и под угрозой прослыть злостным невеждой и упорствующим еретиком он не мог не заявить о том, что отрицание им реальности ведьм могло быть ему внушено лишь дьяволом в интересах тех мерзостных замыслов, которыми он задается к великому ущербу для всего христианского мира.

Почти в тот момент, когда Вильгельм Эделин сознал свою вину, приведшую его к пожизненной тюрьме вместо костра, появилось обширное сочинение Николая Жакье, инквизитора северной Франции, впоследствии перекочевавшего под именем Якиера в Силезию, доказывавшее не только реальность колдовского могущества, но считавшее «мерзостноловким фокусом» дьявола распространение мысли о том, что полеты ведьм являются лишь полетом фантазии.

По словам Жакье, в колдовской секте участвуют не только женщины, но и мужчины; хуже всего то, что духовные лица и монахи зачастую не могут устоять против заманчивых предложений демонов, дающих им возможность, в воздаяние за заключение договора, насыпать на людей всякие болезни, сумасшествие и смерть; они, как находящиеся под особым покровительством демонов, могут также портить плоды, жатву, супружескую жизнь и вообще причинять всякие ужасы. «На собраниях, которые чаще всего происходят по четвергам, оплевывается крест, остии подвергаются издевательству, происходят кровосмесительство и интимная связь с злыми духами». Утверждение некоторых свидетелей шабаша, что они на собраниях видели ведьм, но не демонов, Жакье толкует в том смысле, что демон умеет «одним показываться, а для других быть невидимым». В заключение Жакье требует, чтобы никакое раскаяние не спасало одержимых, а тем более союзников дьявола: они, безусловно, должны выдаваться светской власти.

Все, что так подробно излагал в своем «Flagellum» («Бич») Жакье, было в Аррасе в 1459 г. поставлено инквизитором Пьером Ле-Бруссаром в вину одной женщине, сознавшей в том, что она посещала демонские собрания и видела на них несколько знакомых женщин. На пытке обвиняемые сознались в целом ряде преступлений, почти целиком списанных со страниц ученого сочинения французского инквизитора Жакье. Все они были преданы сожжению. В момент вхождения на костер женщины говорили, что были обмануты инквизитором: им обещали прощение, если они сознаются, и угрожали сожжением, если будут отрицать свою вину. Они сознались, но тем не менее были приговорены к смерти. Этот протест осужденных к смерти не имел реального значения. Учение Жакье о предании светской власти всех, без исключения, виновных в ведовстве, стало законом, и пламя костра пожрало шесть несчастных женщин. Их недвижимое имущество было конфисковано в пользу инквизиции, а движимое – отдано епископу Арраса.

При столь твердо установленном церковью положении о существовании дьявольского колдовства нужно считать поразительно смелым выступление минорита Самуила де Кассини, монаха миланского монастыря Санти Анджели, который в своем «Questio lamiarum» («Вопрос о ламиях», 1505) отрицал воздушные путешествия ведьм, хотя и признавал существование и даже сверхъестественное могущество последних. Выступление Самуила вызвало бурю в богословской литературе и дало непосредственный повод к опубликованию ряда авторитетнейших сочинений. Они открылись работой доминиканца Викентия Додо; его поддержали товарищи по доминиканскому ордену Бернард де из Комо, Сильвестр Приэриас, Варфоломей де Спино и многие другие богословы Франции, Италии и Германии.

Немецкий историк Ганзен¹⁵ говорит о 46 сочинениях до 1540 г., посвященных вопросу о достоверности дьявольских махинаций, и прибавляет к этим «теоретическим трудам» 47 папских выступлений на эту же тему

Из теоретических трудов остановимся лишь на «Исследовании о ведьмах», принадлежащем перу Варфоломея де Спино. Имя автора пользовалось авторитетом, и его сочинение получило в начале XVI века широкое распространение.

Бесчисленное множество инквизиционных процессов и наказаний ведьм доказывает, говорит Спино, что ведовство и колдовство действительно существуют: в противном случае

¹⁵ Joseph Hansen. Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenn wahns und Hexenverfolgung. 1901.

инквизиторы, приговаривавшие ведьм к смерти, были бы несправедливыми судьями. Так как церковь не только знает и принимает к сведению эти приговоры, но также санкционирует и одобряет их – следовательно, эти вещи действительны и истинны. Ведь каждому ясно, что «почти весь земной шар полон дьявольских преступлений». Многочисленные процессы доказали, что происходят полеты по воздуху; ежедневный опыт учит, что дьяволы принимают образы разных животных. Сожительство дьявола с человеком уже доказано и не требует дальнейших доводов. На сходках ведьм жарятся и пожираются быки и другие животные; никто этого отрицать уже не может. Ни один здравомыслящий человек (*nullus sane mentis*) не может отрицать того, что ведьмы убивают малых детей; родители должны поэтому зорко следить, чтобы подозрительные субъекты не целовали их детей. Все эти вещи, однако, совместимы и попускаются мудростью и великодушием бога. Если улетевшая ведьма продолжает все-таки лежать у себя в кровати, то объясняется это совершенно естественным образом: черт, принявший ее образ, лежит в ее кровати. «И как можно, – восклицает де Спина, – сомневаться в реальности всего этого, когда в одном лишь округе инквизитора Бернарда Комо ежегодно берется в плен свыше 1000 ведьм, из коих свыше сотни сжигается?! Как можно еще колебаться, когда мне лишь очень недавно знакомый врач из Феррары рассказывал, что в его поместье один крестьянин собственными глазами видел шабаш из 6000 женщин и мужчин, предававшихся кощунственному разврату?! Еще в прошлом году Андрей Маньяни из Бергама рассказывал, как одна молодая девушка, проживавшая вместе со своей матерью в Бергаме, ночью очутилась голой в кровати своего родственника в Венеции. Пропливая горькие слезы, девушка говорила: я ночью проснулась и увидела, что мать, снявши с себя рубаху, мажется какой-то мазью; потом она села верхом на палку и вылетела через окно. Я тоже поднялась, помазала тело мазью и очутилась в комнате, где моя мать готовилась убить ребенка. Я громко произнесла, в присутствии матери, имя Иисуса и Марии; мать исчезла, я же осталась в этой комнате совершенно голой. Во время инквизиционной пытки в Бергаме все это подтвердилось и было точно установлено... Я мог бы привести бесчисленное множество случаев, как демоны появлялись в образе кошек, какое множество детей было уничтожено ведьмами и сколько колдовской мази было сделано из их мертвых тел. Но разве есть нужда в приведении всех этих фактов?»

Да, уже давно факт существования дьявола церковью был точно установлен, и дело в конце XV века шло не о теоретических доказательствах и не о приведении все новых и новых фактов, а о том, как лучше всего бороться со всемогуществом и вездесущностью дьявола, и папа Иннокентий VIII своей знаменитой буллой *Summis desiderantes*, так называемой «ведовской буллой», указал, что основной задачей германской инквизиции отныне является беспощадная борьба с ведовством и окончательное его истребление, так как зло это приняло слишком большие размеры, чтобы инквизиция могла к нему относиться со снисхождением и с некоторым ослаблением. Против дьявола, в своей дерзости дошедшего до стремления овладеть всем человечеством, церковь обязана выступить во всеоружии своей мощи и энергии. Дьявольское упорство во что бы то ни стало должно быть уничтожено.

И началась эра страшных, кровавых преследований всех, заподозренных в той или иной степени в сношениях с дьяволом и его соучастниками.

Таково историческое значение той буллы, во имя которой в течение свыше двух столетий сжигали, мучили, терзали и уничтожали суеверных, больных, жалких и невежественных людей. Булла эта была поворотным пунктом в деятельности инквизиции, которая с этого момента сосредоточила главное свое внимание на ведовстве и не столько стремилась к установлению чистоты католической веры и правильности отдельных догматов, сколько к искоренению той страшной силы, которая дерзала овладеть человечеством, чтобы вырвать его из лоно церкви и из ведения самого бога.

Сицилийский инквизитор Людвиг Парамо, восхищенный той энергией в борьбе с ведьмами, которую развила инквизиция, благодаря булле о ведьмах Иннокентия VIII, писал: «Нельзя не указать, какую великую услугу инквизиция оказала человечеству тем, что она уничтожила огромное количество ведьм. В течение 150 лет были в Испании, Италии, Германии сожжены, по меньшей мере, 30 000 ведьм. Подумайте лишь! Если бы эти ведьмы не были истреблены, какое неимоверное зло они причинили бы всему миру».

Так как Парамо писал эти слова в 1598 г., то в число 30 000 не могли войти ни 900 ведьм, сожженных в Лотарингии в течение 15 лет Николаем Реми во второй половине XVII века, ни 700 погибших в Фульде от руки свирепствовавшего в XVII веке Балтазара Фосса, ни 600 сожженных в Бамберге в течение 1624–1630 гг., ни бесчисленное множество других, погибших в огне во исполнение буллы папы Иннокентия VIII¹⁶.

Определить даже приблизительное количество жертв буллы Иннокентия VIII нет возможности: почти ежегодно публикуются различными провинциальными архивами протоколы процессов против ведьм, и жуткая картина бессмысленных жестокостей обогащается все новыми деталями. Вот небольшой город Роттенбург на Некаре. Ежегодно в нем десяток-другой ведьм сжигается на костре, и городской совет чувствует «усталость» от этих процессов и начинает печалиться, что вскоре в Роттенбурге не останется в живых ни одной женщины (XVII). В небольшом Оснабрюке за три месяца в 1588 г. была сожжена 121 ведьма, вокруг Оснабрюке пылают костры, и все женское население округа обречено на гибель.

По официальным данным, в 20 деревнях кругом Трира в 1587—93 гг. было сожжено 306 человек; в двух деревнях осталось всего две женщины (Hennen. Ein Hexenprozess aus der Umgebung Von Trier. 1887). В местечке Герольцгофене в 1616 г. было сожжено 99 ведьм, в следующем году – 88. В местечке Эллингене за 8 месяцев в 1590 г. было сожжено 71. В Эльвагене иезуиты возвели в 1612 г. на костер 167 человек, а в Вестерштетене за 2 года – 600 человек. В Кведлинбурге в 1589 г. в один день погибло 133 человека. В Нейссе магистрат построил для ведьм специальную печь огромных размеров; в Бамберге был особый дом для ведьм, где их держали до суда; их кормили страшно солеными селедками, не давали воды и купали в кипятке, куда бросали перец. В Брауншвейге было воздвигнуто столько костров на площади казни, что современники сравнивали эту площадь с сосновым лесом. В Нассау в 1628 г. вышло постановление, чтобы в каждой деревне были особенные выборные люди, которые должны были сообщать обо всех подозреваемых в колдовстве особым комиссарам, путешествовавшим для этого по стране. Вскоре тюрьмы наполнились сознавшимися под пыткой во всех ужасах сатанинских оргий. В народе господствовало такое возбуждение, что многие сами себя выдавали за ведьм. В Манке в 1583 г. иезуитам хитростью удалось изгнать из 16-тилетней девушки Анны Шлуттенбауер 12 655 чертенят; после этого была подвергнута пытке ее 70-тилетняя бабушка, которая созналась, что уже 50 лет она находится в связи с дьяволом, ездит на шабаш, насылает непогоду и т. д. Ее осудили, поволокли к месту казни, привязав к хвосту лошади, и сожгли заживо. В Женеве за короткий промежуток времени в 1542 г. было сожжено 500 ведьм. В 1546 г. тюремный смотритель донес городскому совету,

¹⁶ Кроме указанной литературы см.: Мюллер. Идея целомудрия в ее историческом развитии. 1897 (на нем. яз.); Кэмпфен. Ведьмы и процессы против них в Валлисе. 1867 (на нем. яз.); Кемппер. Колдовство и процессы против ведьм в Германии. 1908 (на нем. яз.); Фишер. Суеверия всех времен, 5 выпусков. 1906 (на нем. яз.); Гааз. Процессы против ведьм. 1865 (на нем. яз.); Жиро. История безумия. 1883 (на франц. яз.); Мишле. Ведьма. Издательство «Атеист», 1929; Штебер. Из Эльзаса. 1856–1857 (на нем. яз.); Оксейнбейн. Из швейцарской народной жизни в XV веке. 1881 (на нем. яз.); Шевалье. Исторический очерк ереси в Дофине. 1890 (на франц. яз.); Лаванша. Субботы или синагоги на берегу озера Анеси. 1896 (на франц. яз.); Ламот-Лангон. История инквизиции во Франции. 3 т. 1829 (на франц. яз.); Фер. Средневековые суеверия. 1889 (на нем. яз.); Снелль. Процессы против ведьм и душевные заболевания. 1891 (на нем. яз.); Танон. История инквизиционных трибуналов во Франции. 1893 (на франц. яз.); Токко. Ересь в Средние века. 1884 (на итал. яз.); Га в е. Ересь и светская рука в Средние века (2-й том. Собр., соч., на франц. яз.); Белогриц#Котляревский. Преступления против религии в важнейших государствах Запада. 1886.; Зиг. Рицлер. История процессов против ведьм в Баварии (на нем. яз.). 1896.

что все тюрьмы переполнены ведьмами, и палач заявил, что сил одного человека недостаточно, чтобы справиться с палаческими обязанностями.

В Цукмантелле на постоянной службе у инквизиторов находилось не менее 8 палачей. Здесь в 1639 г. было предано огню 242 человека, через несколько лет было сожжено 102, в числе которых было двое детей, признанных детьми дьявола. В Берне за годы 1591–1600 сжигалось в среднем ежегодно по 30 ведьм, а в Коломбье ежемесячно (в среднем) в период от 1602 г. до 1609 г. погибало 8 человек. В Эльзасе, Швабии и Брейсгау в XVII в. непрерывно жгли людей: в 1620 г. сожжено 800 человек, и всем кажется, что чем больше будут сжигать людей, тем больше будет ведьм. «Словно из пепла, – говорит Штебер в своем описании Эльзаса, – появляются ведьмы».

Во Франции свирепствует эпидемия оборотней: волки рыщут по деревням, но это не обычные волки, а дьяволы и ведьмы в образе волков. Парламент Франш-Конте в 1573 г. предоставляет крестьянам в окрестностях Доля право свободно охотиться на волков-оборотней. В области Юры в это время, пишет летописец, были разговоры лишь о волках, и ликантропия (вера в оборотней) приняла характер настоящей эпидемии. Многие воображали себя обросшими шерстью, вооруженными ужасными костями и клыками и утверждали, что во время своих ночных скитаний они разрывали людей, животных, а в особенности детей. Французский судья Бог (Bogue), известный в конце XVI века своей деятельностью в отношении ведьм, посвятил себя специально сжиганию оборотней и написал о них книгу, сопровождая ее кодексом правил для суда над ликантропами. Специалистом в этой же области был и весьма энергичный де Ланкр, также оставивший литературный памятник о своем безумии.

Известны и литературные произведения английского короля Якова I, страдавшего писательским зудом. Убежденный дьяволист, он возвращался после своей помолвки из Дании в Англию, и когда поднялась буря на море, решил наказать дьявола, главного виновника бури. Начались преследования; инициатором бури оказался доктор Фиан. Во время ужасных пыток Фиан сначала сознался, но потом отрекся от своих слов. По распоряжению короля, у Фиана были вырваны ногти на всех пальцах и в мягкие части были вбиты гвозди: но дьявол так глубоко сидел в Фиане, что гвозди не смогли его задеть, и доктор был живьем сожжен. Король присутствовал при его сожжении и с тех пор являлся непременным свидетелем религиозных костров. Однажды Яков был чрезвычайно польщен: во время сожжения одного еретика до королевского слуха дошли слова, произнесенные на французском языке самим дьяволом: «Вот король, который является божественным человеком». Король отнес эту хвалу в адрес «Демонологии», которую он недавно написал. Желая вести ученую борьбу с дьяволом, Яков I Стюарт учредил фонд, из которого ежегодно выдавалась определенная сумма студентам теологии Кэмбриджского университета за доклады о ведьмах.

Яков преследовал тех судей, которые выносили мягкие приговоры. Ураган жестокостей пронесся по Англии, когда какой-то проходимец Матвей Гопкинс объявил себя главным ищейкой ведьм; он обошел Эссекс, Суссекс, Норфольк и везде искал виновных; он довел до смерти сотни людей и вызвал такой гнев народа, что, в конце концов, сам был заподозрен в ведовстве, подвергнут пытке водою и убит. Вскоре в Нью-Кэстле появился второй генеральный ищейка, получавший за каждого обнаруженного преступника 20 шиллингов. Ищейка быстро накопил изрядную сумму, но вызвал против себя страшное возмущение народа. Арестованный и привлеченный к суду, он сознался, что отправил на костер 220 невинных женщин. «Его душила кровь невинных, пролитая за серебряники». Генеральный ищейка погиб в огне.

Денежный момент вообще играл очень значительную роль в ведовской инквизиции, и не без основания каноник Корнелий Лоос называл процессы против ведьм алхимией, с помощью которой из человеческой крови получают серебро и золото. На ландтаге 1522 г. в Нюрнберге сторонники Лютера заявляли, что Рим берет 2 1/2 гульдена с каждого человека,

на которого поступает донос в ведовстве, но которому удается установить полную непричастность к этому тяжкому греху. Летописец XVI века описывает нищету, охватившую Трир и его окрестности, но прибавляет, что теперь богаты судьи, следователи и инквизиционные ищейки: «палач и его жена ходят даже в серебре и золоте». Когда доходность процессов стала падать, начало уменьшаться и их число, – так заявляет С. Зугенгейм в своем серьезном описании Баварии XVI века, хотя прибавляет, что и в «плохие» годы палач «зарабатывал» на ведьмах 169 талеров. В Кобурге доносчики ежегодно получали в конце XVI века с преступника 4–5 талеров. Князь-епископ Ольмюца выдал судье Боблигу 246 гульденов за его труды, причем за сожжение в Проснице двух «выдающихся» ведьм была выдана изрядная дополнительная сумма. Боблиг жил только с доходов от ведовских процессов. Рицлер в своих основательных работах о ведовстве в Баварии рассказывает, как в целом ряде баварских городов установилось мнение, что кататься на тройке лошадей могут себе позволить лишь духовные судьи. В 1628 г. в Дибурге судье было выдано свыше 250 гульденов, причем расчет производился по 3 гульдена за преступника.

После Тридцатилетней войны разоренные мелкие германские владетельные особы видели в процессах против ведьм средство улучшить свое положение, и приводимые старым писателем Горстом слова о том, как в Линдгейме судья Гейс доказывал владельцу города, как много пользы он извлечет из преследований ведьм, являются прекрасной иллюстрацией положения мелких рыцарей Германии после страшной Тридцатилетней войны. Гейс говорил убежденно и мог сослаться на собственную практику: из его отчетов было видно, что он во время арестов виновных в ведовстве собрал наличными деньгами 188 талеров. В Эсменгене процессы против ведьм в 1662–1663 гг. потребовали расхода в 2300 гульденов, а чистый барыш достиг 1045 гульденов. Инквизитор «рвал на себе волосы» вследствие этих больших расходов, но, по-видимому, сократить их было невозможно: юридическим факультетам Страсбурга, Тюбингена и Гейдельберга пришлось платить за удостоверения, что виновные подлежат именно духовному суду; священникам надо было платить за заботу о душе тех, виновность коих вызывала сомнения. Впрочем, установилась практика – священникам вместо денег выдавать крепкое вино – согласно присказке:

Bonum vinum cum sapore
Bibat abbas cum priore

(хорошее вино с пеной пусть-де пьет аббат с приором). В деле выпивки установился полный демократизм, и представители духовенства говорили:

Bibat servus et ancilla,
Bibat herna, bibat hera
Ad bibendum nemo serus.

(Пусть пьет крепостной, пусть пьет прислуга, господин и госпожа – выпивать никогда не поздно)¹⁷.

Иногда представитель церкви не гнушался ни пивом, ни хлебом.

Все расходы *по ведовским* процессам *покрывались из средств осужденных или просто привлеченных к ответственности ведьм и колдунов*. Конфискации подлежало не только недвижимое имущество, но и все движимое, вплоть до предметов первой необходимости. Обратно оправданный ничего не получал.

¹⁷ См. две интересные книги проф. П. Лемана о Пародии в Средние века, 1923 и 1924 (на нем. яз.).

Ввиду обуздания зарвавшихся appetitов искоренителей нечисти была установлена такса на все виды службы: сожжение оценивалось дороже всего; бичевание розгами считалось легким заработком, доносительство занимало в прејскуранте почетное место, и им занимались упорно и систематически при полном одобрении церкви. Только время от времени, под тяжестью чрезмерных требований доносчиков, их такса уменьшалась, и им обещались не столько земные блага, сколько небесные. Однако на этой почве возникали горячие споры, и лишь страх доносителя очутиться в положении своей жертвы заставлял его идти на уступки.

Иногда ведовское доносительство являлось последним средством лишить человека его имущества: когда иной способ законного грабежа оказывался невозможным, выдвигалось обвинение в ведовстве. Так, монетный мастер еврей Липпольд из Берлина был в 1573 г. обвинен в том, что благодаря ему дела его покровителя курфюрста Иохима идут плохо. Вина Липпольда не была доказана. Тогда его обвинили в колдовстве: имущество и векселя были конфискованы, и он был в 1573 г. сожжен на том самом месте, где ныне высится памятник Лютера в честь религии, любви и милосердия (доктор Аккерман. *Miinzmeister Lippold*. Франкфурт, 1910).

Доносительство нередко принимало эпидемический и совершенно безумный характер, в особенности при наличии страха у доносителя, что он сам на подозрении у ревнителей религиозной чистоты. Так, некто Труа-Эшель, накануне своего ареста в 1576 г., донес, что он может выдать 300 тыс. ведьм и колдунов. Ему дали возможность подвергнуть игольному уколу поголовно население многих местностей¹⁸. Однако больше трех тысяч преступников Труа-Эшель найти никак не мог. Власти, однако, не стали преследовать даже этих преступников, что, по словам Жана Бодена, было поставлено в вину Екатерине Медичи, тогдашней правительнице

Франции. О ней определенно говорили, что она занимается магией и, следовательно, соучастница тех, которые были отмечены уколом Труа-Эшеля.

Доносительство приняло в Страсбурге такие размеры, что в 1630 г. магистрат опубликовал закон против диффамации путем обвинения в ведовстве. Закон мотивировался тем, что вскоре в Эльзасе не будет ни одного человека, который был бы вне подозрения (Рудольф Рейсс. *La Sorcellerie*. 1893). Лишь в самых редких случаях доносительство не заканчивалось сожжением виновного; но и тогда оно зачастую доводило жертву до сумасшествия или самоубийства. Так, в 1669 г. на еврейку Гольду, жену Рувима из местечка Трейс, поступил донос, и «ведьма» была арестована. В заключении она томилась несколько месяцев и не выдержала пыток. Гольда созналась, что была проклята дьяволом еще в чреве своей матери, что находилась в связи с подмастерьем-пекарем и намеревалась погубить всю деревню. Безумную Гольду отправили в Марбург для дальнейших расспросов. В Марбурге она была в заточении четыре месяца, а потом была признана умалишенной и отпущена на свободу, причем имущество ее мужа Рувима было своевременно конфисковано и обратно не возвращено.

Характерно, что материальная подкладка процессов во имя чистоты религии была подмечена еще Карлом Великим, который в одном капитулярии от 811 г. обвинял духовенство в том, что оно злоупотребляет дьяволом и адом с целью скопления денег и всяческих материальных благ. Ту же мысль в XVII веке проводит красной нитью в своей книге «*Cautio criminalis*» (1631), Фридрих Шпе, сам вышедший из иезуитской среды.

«Многие духовные и не духовные лица, – говорит Шпе, – ныне голодают по осуждениям, которые их так обильно кормили жирным супом». Шпе приводит, между прочим,

¹⁸ Там, где была «печать дьявола», никакой укол иглой или каким-нибудь другим острым предметом не вызывал ни боли, ни крови. Печать дьявола страховала от всего. Застрахованные места получили особую латинскую характеристику: *Sanguis hebet, frigentque effetae in corpore vires* (Кровь исчезает в них, дряхлеют силы в теле).

факты шантажа со стороны многих инквизиторов: они сеяли панику среди народа, вызывали перед ним образ самых ужасных демонов, а когда народ, нафанатированный и полный бредовых мыслей, умолял инквизитора приступить к искоренению дьяволов, ему отвечали, что у инквизиции есть обязанности в другом месте и только за уплату определенной суммы отъезд инквизитора может быть временно отсрочен. Эти отсрочки были чрезвычайно кратковременны и каждый раз возобновлялись при условии внесения денег со стороны напуганного населения. Вскоре дьявол стал предметом добывания средств для самых разнообразных слоев.

Калеки, горбуны, прокаженные, слепые, глухие выдавали себя не то за спасенных от еще худшего дьявольского наваждения, не то за его жертвы, и жалостливые сердца одаривали всякими подаяниями несчастных, торговавших своим уродством и болезнями. Толпами народ шел по городам, рассказывая о своих несчастьях, демонстрируя свои недуги и вызывая и жалость, и страх людей, которых бог охраняет от беса. Этим торговцев болезнями сопровождало духовенство, продававшее средства против происков дьявола и его рати. Так, ведовство далеко перешагнуло через залы судебных процессов и вызвало уличную ведовскую профессию, кадры которой вербовались из злостных мошенников и обманутых обманщиков.

Обманутыми обманщиками являлись так называемые одержимые бесом, которыми кишели в XVII веке все монастыри, в особенности женские. Одержимость упоминается еще в Библии; о ней определенно говорится в Евангелиях; но эпидемический характер она приняла лишь в XVII веке, когда церковь в течение двух столетий насыщала атмосферу разными страшными духами и довела слабых людей до полного безумия. Исцеление одержимых производилось церковью путем молитв и заклинаний, причем процедура заклинаний была введена церковью в ритуал.

Формул заклинаний было очень много. Вот одна из наиболее распространенных: «Изыди, злой дух, полный кривды и беззакония; изыди, исчадие лжи, изгнанник из среды ангелов; изыди, змея, супостат хитрости и бунта; изыди, изгнанник рая, недостойный милости божией; изыди, сын тьмы и вечного подземного огня; изыди, хищный волк, полный невежества; изыди, черный демон; изыди, дух ереси, исчадие ада, приговоренный к вечному огню; изыди, негодное животное, худшее из всех существующих; изыди, вор и хищник, полный сладострастия и стяжания; изыди, дикий кабан и злой дух, приговоренный к вечному мучению; изыди, грязный оболститель и пьяница; изыди, корень всех зол и преступлений; изыди, изверг рода человеческого; изыди, злой насмешник, полный лживости и возмущения; изыди, враг правды и жизни; изыди, источник несчастий и раздоров; изыди, бешеная собака, подлая змея, дьявольская ящерица; изыди, ядовитый скорпион, дракон, полный злых козней; изыди, лакей сатаны, привратник ада; изыди, козел, страж свиней и вшей; изыди, зараженное страшилище, черная ворона, рогатая гадина; изыди, лжец коварный, поганый, зачумленный и т. д.

Первая большая бесовская эпидемия разразилась в 1610 г. в Провансе, в Эксе, в монастыре урсулинок. У двух монахинь появились какие-то удивительные припадки, которые внушили всем уверенность в том, что эти монахини одержимы дьяволом. Над ними были произнесены заклинания с целью изгнать дьявола, но безуспешно. Одна из монахинь Луиза Капо призналась, что в ней сидят три дьявола: Веррин, добрый дьявол, католик, легкий, один из демонов воздуха; Левиафан, злой дьявол, любящий рассуждать и протестовать, и, наконец, третий – дух нечистых помыслов; кроме того, она заявила, что чародей, наславший на нее этих дьяволов, – патер Луи Гоффриди. Другая Магдалина де-ля-Палю, обезумевшая от страха, созналась также в том, что Гоффриди испортил ее своими чарами и наслал на нее целый легион демонов, именно 6666 дьяволов. Инквизитор Михаэлис, которому обе монахини были переданы для заклинаний, донес на чародея Гоффриди, который и был арестован. Обвинение было основано на показаниях этих двух монахинь и Михаэлиса, наблюдавшего

во время заклинания, как дьявол обращался со своими жертвами. «Во время заклинания, – показывал Михаэлис, – Вельзевул продолжал терзать Магдалину, то с силою бросая ее на живот, то опрокидывая на спину; до трех или четырех раз он принимался душить ее за горло. За обедом демоны продолжали истязать ее, пригибая ей голову к земле, а за ужином они ее пытали в течение целого часа, выворачивая ей руки и ноги с такой силой, что у нее кости трещали и все внутренности переворачивались; окончив истязания, они погрузили ее в такой глубокий сон, что она казалась мертвой». Луиза показала, что Гофриди, хотя и делает вид, что не ест мясной пищи, на самом деле наедается до отвала мясом маленьких детей, которых он душит или откапывает из могил. Магдалина, на которую сильно воздействовал бред Луизы, после рассказа Луизы об употреблении Гофриди детского мяса, разразилась против него проклятиями и обвинила его в разных преступлениях, между прочим и в том, что он ее обольстил. Несчастный священник клялся именем бога и святых, что все эти обвинения ложны, но ему не верили, связь между его чародейством и дьяволами, которыми одержимы монахини, вполне установлена показаниями монахинь. Его подвергают пытке, чтобы добиться признания; он понимает, что погиб, и сознается, что дьявол посещал его часто, что он обыкновенно поджидал сатану у дверей церкви и заразил до тысячи женщин ядовитым дыханием, сообщенным ему Люцифером. «Признаюсь и в том, – говорил он, – что когда я желал отправиться на шабаш, я становился у открытого окна, через которое являлся ко мне Люцифер, и вмиг переносился на сборище, где я оставался два, три, а иногда и четыре часа». На теле Гофриди нашли в трех местах «печать дьявола», т. е. в трех местах тела вонзали иглу и он не чувствовал никакой боли, и кровь не текла. После этого его виновность была признана окончательно, и 30 апреля 1611 г. его сожгли в Эксе, после того, как он был отрешен от сана и подведен палачом к главному входу в церковь, где он должен был публично каяться и просить прощения у бога, короля и правосудия (Я. Канторович. Средневековые процессы о ведьмах, 1899). Безумие, разумеется, охватывало и детей. В 1669 г. в шведском округе Далекарлии у детей появилась какая-то болезнь, сопровождавшаяся обмороками и спазмами. Во время болезни дети рассказывали о какой-то местности Блакулла, куда их ночью приводят ведьмы и где происходит шабаш. Весь округ заволновался, и со всех сторон стали требовать строгого следствия. Была создана специальная комиссия, подвергшая допросу около 300 детей. В результате, после применения пытки, 84 взрослых и 15 детей были сожжены, 128 детей еженедельно у церковных дверей подлежали наказанию плетью, самые маленькие дети, в количестве 20, были избавлены от еженедельной порки; ее заменили троекратной поркой в течение одного лишь дня. Нужно заметить, что выдающиеся шведские юристы оспаривали право сжигания людей на основе детских показаний. Однако духовенство не соглашалось с доводами юристов и ссылалось на Псалом, в котором говорится, что устами младенца глаголет сама истина. Так дети стали жертвой всеобщего безумия и более того – вызвали гибель многих матерей.

Из Далекарлии эпидемия детского ведовства распространилась на Ангермандланд, где в 1675 г. было сожжено 75 человек; не избегли этой заразы ни Стокгольм, ни Упланд, ни некоторые другие местности Швеции. Впрочем, Швеция не была единственной страной, где дети стали жертвами безумия. В 1659 г. в Бамберге были сожжены 22 девочки в возрасте от 7 до 10 лет. Во время казни они проклинали своих матерей, научивших их дьявольскому искусству. В описании этого случая говорится: «Колдовство до такой степени развилось во всей Баварии, что дети на улице и в школах учили друг друга колдовать». Детская эпидемия колдовства наблюдалась в 1673 г. и в Кальве (Вюртемберг). Дети вообразили, что ночью их возят на метлах, козлах, курицах, кошках на шабаш, где их заставляют отрицать Святую Троицу и т. д. Учрежденная специально комиссия должна была удостовериться – не улетают ли дети по ночам из своих кроваток. Выяснилось, что дети пребывают в объятиях родителей

всю ночь, и ввиду этого решено было, что детские показания в действительности не что иное, как наваждение ведьм. В результате было сожжено несколько женщин.

* * *

Пресловутая булла Иннокентия VIII против ереси ведьм, булла *Summis desiderantes* гласит так:

«Всеми силами души, как того требует пастырское попечение, стремимся мы, чтобы католическая вера в наше время всюду возрастала и процветала, а всякое еретическое нечестие искоренялось из среды верных. Не без мучительной боли недавно мы узнали, что в некоторых частях Германии, особенно в Майнцском, Кельнском, Трирском, Зальцбургском и Бременском округах, очень многие лица обоюбого пола пренебрегли собственным спасением и, отбравшись от католической веры, впали в плотский грех с демонами инкубами и суккубами и своим колдовством, чарованиями, заклинаниями и другими ужасными суеверными, порочными и преступными деяниями причиняют женщинам преждевременные роды, насылают порчу на приплод животных, хлебные злаки, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно как портят мужчин, женщин, домашних и других животных, а также виноградники, сады, луга, пастбища, нивы, хлеба и все земные произрастания; что они нещадно мучают как внутренними, так и наружными ужасными болями мужчин, женщин и домашних животных; что они препятствуют мужчинам производить, а женщинам зачинать детей и лишают мужей и жен способности исполнять свой супружеский долг; что, сверх того, они кощунственными устами отрекаются от самой веры, полученной при святом крещении, и что они, по наущению врага рода человеческого, дерзают совершать и еще бесчисленное множество всякого рода несказанных злодейств и преступлений, к гибели своих душ, к оскорблению божеского величия и к соблазну для многого множества людей. И хотя возлюбленные сыны наши, Генрих Инститорис и Яков Шпренгер, члены ордена доминиканцев, профессора богословия, нашим апостольским посланием были назначены и до сего времени состоят инквизиторами, первый – в вышеназванных частях Верхней Германии, обнимающих, как надо понимать, и провинции, и города, и земли, и епархии, и другие такого рода местности, а второй – в некоторых областях вдоль Рейна; однако некоторые клирики и миряне в этих странах, не в меру высоко ставя свое разумение, не стыдятся упорно утверждать, что так как в полномочных грамотах не были поименно и точно указаны эти епархии, города и местности, а также некоторые лица и их проступки, то поэтому вышепоименованным инквизиторам в выше-названных провинциях, городах, епархиях, землях и местностях нельзя заниматься инквизицией и что их не должно допускать к наказанию, заключению в тюрьму и исправлению упомянутых лиц за вышесказанные злодейства и преступления. Благодаря сему в вышесказанных провинциях, городах, епархиях, землях и местностях подобные провинности и преступления и остаются безнаказанными, к очевидной пагубе их душ и потере ими вечного спасения. Но мы устраним с пути все помехи, которые могут каким-либо образом препятствовать исполнению обязанностей инквизиторов; и дабы зараза еретического нечестия и других подобного рода преступлений не отравила своим ядом невинных людей, мы намерены, как того требует наш долг и как к тому побуждает нас ревность по вере, применить соответствующие средства. Посему, дабы названные местности не остались без должного обслуживания инквизицией, мы нашей апостольской властью постановляем: да не чинится никакой помехи названным инквизиторам при исполнении ими их обязанностей и да позволено будет им исправлять, задерживать и наказывать лиц, совершающих указанные преступления, как если бы в полномочных грамотах были точно и поименно названы округа, города, епархии, местности, лица и преступления. С великим попечением мы распростра-

нием эти полномочия на названные местности и поручаем вышеназванным инквизиторам, чтобы они и каждый из них, при помощи нашего возлюбленного сына Иоанна Гремпера, магистра из Констанцской епархии, всякого из названных областей, кого найдут виновным в указанных преступлениях, исправляли, заключали под стражу и наказывали с лишением имущества, а также даем названным инквизиторам полную возможность во всех церквях, где они найдут то потребным, проповедовать слово божие и все иное совершать, что они найдут полезным и необходимым. Особым посланием мы повелеваем почтенному собрату нашему епископу Страсбургскому, дабы он, поскольку названным инквизиторам сие требуется, торжественно заявлял, чтобы никто и ни в чем не чинил им какой-либо помехи и не наносил никакого вреда; тех же, кои будут чинить препятствия, какого бы положения эти лица ни были, он должен без всякого прекословия карать отлучением, запрещением в священнослужении, лишением таинств и другими еще более ужасными наказаниями, а если потребует, то и привлекать к содействию против них руку светской власти. Никто не должен нарушать это наше послание или дерзновенно поступать противно ему. Буде же кто-либо попытается это сделать, то пусть знает, что он навлечет на себя гнев всемогущего бога и апостолов Петра и Павла.

Дано в Риме, у св. Петра, от воплощения Господа в 1484 г., нашего первосвященства 1-м году, 5 декабря».

* * *

Поводом к изданию этой буллы, по-видимому, послужили жалобы двух названных в ней инквизиторов Генриха Инститориса и Якова Шпренгера, встречавших в разных местностях Германии препятствия в своей инквизиционной деятельности. На этот момент в достаточной мере ясно намекается в самой булле, официальной задачей которой, в первую очередь, объявлялось устранение тех помех, которые «чинились упомянутым инквизиторам при исполнении ими своих обязанностей»; папа счел необходимым даже дать в помощь обоим инквизиторам «своего излюбленного сына» магистра Иоанна Гремпера из Констанцской епархии. Отныне никто не мог оспаривать у Инститориса и Шпренгера их права самым жестоким образом преследовать всяких еретиков, а в первую очередь заподозренных в колдовстве, и преследования эти должны были беспрепятственно происходить почти во всей Германской империи.

Булла Иннокентия VIII была прежде всего талисманом, устраняющим всякий протест, всякое сопротивление энергичной расправе с врагами человеческого рода обоих германских инквизиторов. Что эта расправа будет достаточно кровавой, свидетельствовало сожжение за короткий срок этими двумя лицами 48 ведьм; с другой стороны, оказанная им поддержка в лице магистра Гремпера, с благословения которого в течение одного лишь года было сожжено в Вормсе 85 человек, говорила о нелицемерной готовности представителя Христа на земле придать борьбе с ведьмами такой размах, который далеко превосходил все, что до этого времени делалось в области преследования еретиков вообще, в частности околдованных чарами дьявола и сатаны. Однако кровавая энергия Инститориса и Шпренгера, даже вооруженная таким орудием, как булла 5 декабря 1484 г., не могла не натолкнуться на народное возмущение в целом ряде местностей, и в 1485 г., когда во многих германских городах пылали дьявольско-ведовские костры, зажженные свежей Иннокентьевской буллой, Генрих Инститорис встретил в Инсбруке, в момент подготовки торжественного сожжения ведьм, такое сопротивление, которое побудило его отказаться от практического применения изложенных в папской булле «великих истин».

Мало того, Инститорису удалось сравнительно легко отделаться лишь благодаря вмешательству «добродушнейшего» Георга Гольсера, епископа Бриксена. Этот епископ взял на

себя задачу выпроводить за пределы Инсбрука Инститориса и заставить город забыть о тех чрезвычайно тревожных переживаниях, которые у инсбрукчан связывались с коротким пребыванием в их городе инквизитора Генриха Инститориса.

С льстивыми речами Гольсер провожал неудачника-инквизитора за городские ворота: «Он мне казался, – говорил Гольсер, – впавшим в чрезмерное детство от большой старости». Надо было устранить и последние помехи с инквизиционного пути; надо было сломить и последнее возможное сопротивление деятельности святой инквизиции, и Генрих Инститорис, только что переживший неприятные минуты в Инсбруке и Бриксене, задумал издать «божественную, священную книгу», которая со ссылками на Ветхий и Новый Заветы, с доказательствами, почерпнутыми у авторитетнейших отцов церкви и учителей богословия, утвердила бы во веки веков священнейшее право инквизиции преследовать наиболее опасных еретиков, каковыми являются ведьмы, в чьем существовании может сомневаться лишь достойный суровой кары еретик.

Вопреки всем каноническим правилам, в отношении ведьм должна применяться смертная казнь даже тогда, когда ведьма раскаивается в своем преступлении и не является ни упорствующим, ни закоренелым преступником.

Инквизитор Инститорис ищет сотрудника для своего «публичного инструмента», чтобы с его помощью создать такое творение, которое навеки упрочило бы дело искоренения дьявольской ереси и лишило бы возможности чинить инквизиции и на будущие времена какие-либо препятствия в ее богоугодной работе.

Товарищ Инститориса по инквизиционной деятельности, Шпренгер, подобно ему – профессор теологии и член доминиканского ордена, казался нашему «скомпрометированному» борцу за великое дело наиболее подходящим сотрудником, и Яков Шпренгер был привлечен к авторству «Молота ведьм».

Однако его работа, по-видимому, ограничивалась лишь введением, названным «Апологией», – вся же книга была написана самим Генрихом Инститорисом, чувствующим потребность в целях придания ей большего морального веса, прикрыть себя авторитетом Шпренгера, тогда еще ничем не запятнавшего своего инквизиторского имени.

Инститорис энергично работал над своей книгой, которую он называл «публичным инструментом», и весной 1487 г. она уже была совершенно готова; возможно даже, что в мае того же года она была и напечатана.

Столь же расторопен был и Шпренгер, который сдал свою «Апологию» в надлежащий момент и несколько не тормозил печатания книги своего товарища по работе.

Во введении Шпренгер писал: «В наше время, когда вечер мира (*mundi vesper*) клонится к полному закату, старое зло, не прекращавшее ни на одну минуту, в силу неиссякаемого вреда своего падения, насылая на мир полную яда заразную чуму, особенно отвратительным образом проявляет себя, так как в своем великом гневе чувствует, что в его распоряжении осталось мало времени (*se modicum tempus habere*)».

Особенно опасными еретиками Шпренгер считает ведьм, которые «заключили союз с адом и договор со смертью», и именно против них должен был быть направлен главный удар «молота», причем под ударом следует разуметь, поскольку это касается книги, скорее нечто теоретическое, чем практическое, хотя теория и практика, разумеется, сливаются в глазах инквизитора воедино.

Шпренгер говорит, что в его книге нет ничего нового, ранее не сказанного великими учителями церкви и авторитетными представителями богословской мысли. «Наша книга одновременно и стара, и нова; она одновременно и коротка, и длинна. Она стара по содержанию и авторитету; она нова по компиляции мыслей и по их расположению; она коротка, потому что произведения многочисленных авторитетов приведены в кратких отрывках; она длинна, потому что тема бесконечно велика и неисчерпаемо причиняемое ведьмами зло».

Книга не должна служить, по мнению Шпренгера, к вящей славе и прославлению ее авторов, она лишь возвеличит почет и благоговение к тем, чьи имена она цитирует и на сочинения которых она делает ссылки. Будучи составлена из чужих отрывков, из мыслей и сентенций великих авторитетов, книга не нуждалась «ни в наших собственных стихах, ни в наших тонких теориях». «Мы писали по обычаю переписчиков (*more excerptorum*), во славу высшей троицы и неделимого единства, мы писали в трех частях: начало, продолжение и конец; мы назвали книгу “Молотом ведьм”, оставляя ее просмотр нашим товарищам, а ее применение тем, на ком лежит обязанность суровейшего суда, потому что они назначены Господом к мести злым и к прославлению добрых. Да будет Господь почитаем и прославляем во веки веков. Аминь».

Однако и дваавторство казалось обоим инквизиторам недостаточной гарантией того, что «Молотом» можно будет беспрепятственно и жестоко дробить ведьм, и Шпренгер вместе с Инститорином обратились за санкцией и одобрением своей книги к наиболее тогда авторитетному немецкому учреждению, к теологическому факультету Кельнского университета, под маркой которого должна была появиться на свет божий эта книга.

Для Инститориса и Шпренгера это было тем более важно, что Кельнскому университету, на основании специальных постановлений папы Пия II и Сикста IV, было предоставлено право высшей цензуры.

Декан теологического факультета Ламберт де Монте, в согласии с четырьмя профессорами того же факультета, дал благоприятный, но несколько сдержанный отзыв о книге. Отзыв этот был приблизительно таким: «В своей теоретической части книга обстоятельна, в практической – она стоит на твердой почве канонических законов; в общем, она может рассчитывать на сравнительно небольшой круг компетентных читателей и специалистов; за этими пределами она с трудом будет находить усердных читателей».

Кроме того, книга была снабжена выражением чувств императора Максимилиана I в адрес обоих инквизиторов, которым папа поручил столь ответственную и высокую миссию.

На долю книги, однако, выпал невероятный успех: в течение девяти лет она выдержала 9 изданий, 7 раз была издана в XVI веке и продолжала выходить новыми изданиями и позднее, так что их общее число равно 29, причем 16 изданий вышло в Германии, 11 – во Франции и 2 – в Италии.

С первого момента своего появления книга вызвала бесконечное множество восторженных отзывов, и знаменитый нидерландский юрист XVI века Иодокус Дамгудер в своей очень популярной «Практике уголовных дел» заявил, что «книга эта имеет для мира силу закона». Теологи, философы и юристы наперегонки спешат с изъявлением своего восторга по адресу «Молота ведьм», и протестантские ученые присоединяют свои голоса к голосам католических богословов и представителей духовенства. Гениальный художник Альбрехт Дюрер готов посвятить ему свою кисть, а ортодоксальный лютеранин проф. Бенедикт Карпцов считает эту книгу крупным авторитетом. Поэты поют ей гимны, а творцы баварского Кодекса Максимилиана исходят при составлении отдела наказания еретиков из книги Инститориса и Шпренгера как из незыблемых и прочно установленных предпосылок.

Папы Александр VI, Лев X и Адриан VI неоднократно подчеркивали правильность всех основных положений «Молота ведьм» и выпустили по этому поводу специальные указания.

Успех привел к тому, что книга все увеличивалась в объеме, но совершенно своеобразно: к ней механически прибавлялись другие сочинения на эту же тему. Так целых шесть изданий «Молота ведьм» были снабжены в виде продолжения пятой частью известной книги Иоанна Нидера «Муравейник», авторитет которой был также очень высок и распространение которой было облегчено тем, что она стала как бы дополнением к «Молоту ведьм».

На некоторых изданиях этой коллективной книги имелась надпись: «Покупай и читай эту книгу, о деньгах не пожалеешь». Судьбу книги Нидера разделили многие богословские произведения XVI века; в особенности часто присоединяли к «Молоту ведьм» разные сочинения в XVII веке, причем некоторые классические произведения католическо-инквизиционной мысли получили широкое распространение именно благодаря этому своеобразному взятию на буксир тяжеловесных томов. Даже знаменитый Варфоломей де Спино нуждался в протекции «Молота ведьм».

Успех книги не может быть объяснен ни литературными дарованиями, ни ученостью авторов. Ни тот, ни другой автор не блещут писательским талантом, не проявляют ни в чем оригинальности, не обладают ни смелостью мысли, ни мужеством собственного суждения. Авторы чувствуют себя в безопасности лишь в окружении многочисленных цитат из разных богословских авторитетных книг. Отсутствие оригинальности сказалось даже в самом заглавии: еще св. Иеронима в начале V века называли «молотом еретиков». Тот же «высокий титул» был дан Бернарду из Ко, а позднее Гергарду Грооту; написанная в изуверском тоне против иудеев, книга инквизитора Иоанна из Франкфурта, опубликованная около 1420 г., носила название «Молота иудеев», и по всей вероятности, наши авторы настолько увлеклись этим названием, что озаглавили и свою книгу «Молотом», но уже не иудейским, а ведовским.

Но именно в бесцветности, безличии, безымянности, серости и в типичности, а не индивидуальности этой книги лежал источник ее успеха. Будучи доступна самому невзыскательному читателю, не наталкиваясь ни на какие возражения с его стороны, воспринимаемая так же естественно, как погода или природа, книга эта стала общим достоянием. Сотни инквизиторов проглатывали ее; тысячи священников и проповедников излагали ее своим слушателям, не мудрствуя лукаво, не прибавляя ни единого комментария, не позволяя себе никаких отступлений; десятки тысяч мирян усваивали ее, не нуждаясь в руководстве со стороны специалистов, сотни тысяч «простолюдников» слышали про книгу, в которой заключена вся божественная премудрость, и из уст в уста передавалось название этой книги, что создавало ей ту легкость распространения и тот авторитет, которые сказывались во все участвовавших ее новых изданиях.

В «Молоте ведьм» сконцентрировано все, что дала и могла дать богословская мысль того времени; безличным, муравьиным трудом схоластики собирали зерна мудрости, выискивая их даже у язычников и, сложив их все в огромную кучу, воздвигли книгу, в которой, словно в кинематографической ленте, сменяют друг друга Аристотель и Фома Аквинат, папа Григорий Великий и рабби Моисей, Бонавентура и Иоанн Златоуст, Ориген и Вильгельм Парижский.

У всех этих великих и величайших авторы «Молота ведьм» находят слова мудрости, божье сказание, достойное увековечения и строжайшего соблюдения – без критики, без собственного суждения: ведь слово божье может быть лишь совершенным и никто не должен дерзать его дополнять, исправлять.

Каждая страница, каждая строка этой книги словно говорят: «Внемлите, смертные, божественной мудрости, и вы окажетесь достойными, правоверными сынами нашей бессмертной церкви».

«Молот ведьм» состоит из трех частей. Первая – теоретическая часть; она включает 18 головоломных вопросов, на которые, однако, следуют очень незамысловатые ответы. Так, например, на вопрос, может ли дьявол через инкуб и суккуб производить людей, следует после долгих путаных рассуждений ссылка на Фому Аквината, положительный ответ которого поставил уже давно вне сомнения этот коварный вопрос.

Точно так же и вопрос о том, какие именно черти могут производить людей, не требует особых доказательств, ибо правомерно с католической точки зрения утверждение, что на это способны те, которые раньше были низшими ангелами.

Шестой вопрос, гласящий, почему ведовством занимаются преимущественно женщины, получает тоже довольно простой ответ: слово женщина – *femina* – происходит от *fides* (вера) и *minus* (меньше) и означает «меньше веры»¹⁹, т. е. женщина по существу своему склонна к меньшей вере, чем мужчина; затем уже давно известно, что ее похоть не знает границ, что она «красиво окрашенное естественное зло», что грешно ее бросить и мучительно сохранить, что она принадлежит к иному виду (*species*), чем мужчины. Все эти утверждения зиждятся на незыблемых истинах наших великих учителей.

Некоторые вопросы решаются путем ссылок на собственный опыт и на общеизвестные факты: так вопрос о том, могут ли ведьмы превратить людей в животных, получает решение путем рассказа о молодой девушке, ставшей кобылой, но спасенной св. Макарием.

Так же проста аргументация по вопросу об истреблении детей во чреве матери: папский инквизитор из Комо «нам рассказывал», как в его области на ночном собрании ведьм был съеден неродившийся ребенок! По этому случаю в прошлом году там была сожжена 41 ведьма; некоторым удалось скрыться.

Последний вопрос отвечает фактами на сомнение некоторых мирян по поводу того, мог ли бог предоставить дьяволу и ведьмам столь обширную власть над людьми. «Одному из нас, – загадочно заявляют авторы, – известен следующий случай: какой-то почтенный бюргер из Шпейера поднял руку на свою жену, но в ту же минуту он упал, потеряв сознание, и пролежал больным много недель. Эту болезнь наслала на него колдунья – его жена».

Инквизиторам, разумеется, колдуны не страшны, так как они творят правое общественное дело.

Как бы подтверждая эту мысль авторов «Молота ведьм», лотарингский судья Николай Реми, по прозвищу лотарингский Торквемада, приводит многочисленные доказательства беспомощности даже самых злых ведьм в отношении инквизиторов и всех вообще служащих инквизиции. Когда в 1584 г. была арестована страшная ведьма Ланье из Нанси, она обратилась к своим судьям со следующими словами: «Как мы хотим вас погубить! Но вы – самые счастливые люди на свете, ибо против вас мы совершенно бессильны». Мало того, арестованная и попавшая в руки инквизиции делалась уже как бы застрахованной от вмешательства в ее пользу дьявола. Так, к Маргарите из Арвье (Дофине) в инквизиционную тюрьму явился ее учитель-дьявол. Глаза его блестели, как фонари; он с ней совокупился, рассказал, что она будет сожжена, но спасти ее уже не мог. Самое большее, на что могла рассчитывать арестованная ведьма, – это самоубийство, внушенное дьяволом. И множество документов XV–XVII веков свидетельствуют о частых самоубийствах в разных тюрьмах и инквизиции, и светской власти. Самоубийства лишали судей возможности раскрывать других виновных, и Николай Реми, например, говорит очень неохотно о тюремных самоубийствах и спешит перейти к процессам «с лучшим результатом», т. е. с сожжением арестованных.

Таково содержание первой «теоретической части», повествующей о трех силах: дьяволе, колдовстве и божьем попущении.

Вторая часть посвящена двум коренным вопросам: кому не приносит вреда колдовство и какими средствами можно устранить колдовство?

Первый вопрос обсуждается на протяжении шестнадцати глав, а второй – восьми. Эта часть по преимуществу историческая и оперирует множеством «не подлежащих никакому опровержению фактов», в огромном большинстве случаев рассказанных особенно авторитетными лицами, зачастую очевидцами многих рассказов. «Мы сами могли бы, – говорят скромно авторы “Молота ведьм”, – много такого рассказать, что привело бы читателя в страшное диво, но так как самовосхваление воняет, то мы будем говорить лишь о том, чего

¹⁹ Однако с филологической точки зрения это объяснение довольно безграмотно.

скрывать нет уже возможности». И перед глазами читателя проходит ряд чудесных событий, как, например, следующее признание некоторых ведьм в Брейзахе: если им почему-либо не случилось бывать на шабаше, но им хотелось знать, что там происходило, они ложились на левый бок и призывали разных дьяволов: изо рта последних исходил страшный пар, через который ведьмы могли наблюдать все, что делалось на шабаше. Известен и такой случай: дьявол, принявший образ женщины (суккуба), собрал от мужчины, с которым имел половую связь, его семя, а затем собранным семенем, приняв образ мужчины (инкуб), оплодотворил женщину. Однако демоны осторожны: если они живут со старыми женщинами, они их не оплодотворяют, так как избегают излишеств. Опыт убедил, что во время полового акта ведьмы доступны человеческому глазу, дьявол же в эти моменты не всегда видим. В одном городе (назвать его запрещает христианская любовь) Страсбургского диоцеза с дровосеком случилось следующее: его укусил большой кот, затем второй, третий; он стал защищаться и поленом их уничтожил. Через час дровосек был арестован и предстал перед судом по обвинению в нанесении ударов трем почтенным гражданам, от которых они должны были лечь на долгое время в постель. Ну конечно, было установлено наличие дьявольских проделок.

Подобными фактами наполнены все шестнадцать глав первого вопроса второй части «Молота ведьм».

Затем идут достаточно монотонные восемь глав, трактующие о средствах борьбы с ведьмами и о способах их изгнания из физических тел и их истребления. На этой почве нашим инквизиторам знакомы и некоторые комические случаи: так, в Кельне один знаменитый гонитель дьявола во время своей работы был спрошен дьяволом, через какое место ему вылететь из доминиканского монастыря, откуда кельнский специалист-доминиканец так усердно его гонит. Шутя, специалист ответил: через уборную. В следующую ночь, когда доминиканцу потребовалась уборная, он стал в ней жертвой обидевшегося дьявола: с трудом наш шутник спасся от смерти. После рассмотрения многочисленных средств спасения и исцеления от колдовства и чертовщины наши авторы приходят, однако, к выводу, что важнейшим средством избавления от них является истребление ведьм, ибо сказано: колдунов не оставляй в живых. Но этот путь требует обращения к светской карающей руке.

Третья часть – по преимуществу юридическая и в 35 вопросах рассматривается, как следует начинать процесс против ведьм, как его вести и как закончить; попутно разрешаются разные побочные юридические казусы, причем, со ссылкой на авторитетных писателей, устанавливается, что позорное пятно ереси так велико, что к разбору этого преступления допускаются даже крепостные для свидетельства против своих господ, а также всяческие преступники и люди, лишённые прав. Присуждение к смертной казни предполагает сознание в преступлении. Но как получить это сознание? Есть ведьмы настолько невосприимчивые к пыткам, что они скорее будут терпеливо переносить постепенное разрывание тела на части, чем признаются в правде. Но есть и такие, которые очень скоро во всем сознаются, все зависит от их отношения к дьяволу. Может ли судья обещать жизнь такой женщине, о которой идет дурная молва и которая имеет против себя как показания свидетелей, так и улики в том, что она – ведьма. Мнения ученых по этому вопросу расходятся. Одни думают, что подобная ведьма может быть оставлена в живых, если она выдаст других ведьм и снимет наведенную порчу; другие ученые полагают, что такое обещание надо держать лишь короткое время, а потом ведьму следует сжечь; третьи ученые считают возможным, чтобы судья обещал такой ведьме жизнь, и смертный приговор обязан ей вынести уже другой судья, а не тот, который уверил ее в сохранении жизни. Судье и заседателям надо следить за тем, чтобы ведьма к ним не прикасалась, в особенности не дотрагивалась до запястья рук; для предохранения надлежит носить на шее соль, освященную в Вербное воскресенье, освященные травы и воск.

Как показала практика, ведьмы особенно способны к околдованию во время допроса их под пытками. «О, если бы ведьмы не обладали такую способностью!» – восклицают наши авторы, по-видимому, не совсем свободные от страха перед сжигаемыми ими ведьмами. И как не бояться, когда в Регенсбурге некие еретики, сознавшиеся в своих колдовствах и брошенные в огонь, не сгорали; когда же их бросили в воду, они не потонули?! Духовенство, удивившись в этом, назначило своей пастве трехдневный пост, и вскоре было установлено, что еретики потому не могли быть умерщвлены, что у них под мышкой, между кожей и мясом, были вшиты амулеты. Следует поэтому действовать на ведьм путем перемены одежды и бритья²⁰ волос. «Обривание в половой области в германских землях считается неподобающим, и мы прибегли к иному средству, чтобы добиться от ведьм признания: сбывая волосы с головы, мы вливали одну каплю освященного воска в бокал с освященной водой и давали ведьмам пить это три дня подряд натошак, призывая при этом Святую Троицу».

В заключение авторы предостерегают судей от допущения частых апелляций: последние только утомляют судей, а еретиков побуждают поднимать голову, презирать судей и становиться еще более злостными и дерзновенными. «От сей напасти да защитит церковь жених ее». Таково содержание «Молота ведьм».

Несмотря на тягостную форму «Молота ведьм», в нем можно, однако, найти некоторые новые положения, притом такие, которые дали иное направление борьбе духовных и светских судов с ведовством. Авторы «Молота ведьм» подчеркивают, что в ведовстве есть элемент вредительства, малефиция, а потому ведьмы подлежат преследованию не со стороны одних лишь инквизиторов: ведьмы не только еретички и грешницы, но они и преступницы и зловредительницы! Естественно, что светский карающий меч должен опускаться на голову этих преступниц с той беспощадностью, какой требует римское право в отношении тех, кого народ называет малефиками. Пытка, смерть без внимания к признанию и раскаянию преступницы – таковы основы справедливости, ибо причиненное вредительство не может быть оставлено без должного наказания. Если раньше теологическое лукавство доказывало, что колдовство есть худшая форма ереси и подлежит ведению инквизиции, то теперь Инститорис и Шпренгер, не отрицая права инквизиции карать ведьму, подчеркивают с особой силой, что светская власть не может стоять в стороне в вопросе об искоренении ведовства, и вся книга их как бы апеллирует к светскому мечу, призывая его к мести малефикам и избегая употребления таких названий, как ламии, стриги, еретички и т. д.

Для авторов «Молота ведьм» вопрос о том, насколько данный конкретный случай ведовства «явно пахнет ересью», совершенно отпадает, так как и без того он заслуживает смертной казни; ведь в ведовстве всегда налицо элемент малефиция, причем в той форме, которая неизбежно влечет за собою смерть. Характерно, что «Молот ведьм» избегает употребления слова «колдовство» и заменяет его словом «ведовство», в которое он вкладывает представление и о похищении детей, и об их сжирании, и о самых отвратительных актах поклонения дьяволу и т. п. Эти положения Инститориса и Шпренгера получили полное одобрение со стороны Латеранского собора 1514 г., происходившего под председательством папы Льва X. Собором было объявлено, что ведовство является смешанным преступлением, и оно должно подлежать наказанию как с канонической точки зрения, так и со светской. Это решение имело огромное значение, так как в XVI веке в ряде западноевропейских государств

²⁰ В вопросе об арестованных ведьмах авторы «Молота ведьм» и лотарингский Торквемада стояли на разных точках: Николай Реми не верит в силу арестованной ведьмы, и, наоборот, Инститорис и Шпренгер продолжают бояться арестованной. Обривание Реми также объясняет иными причинами. По его мнению, обривание арестованной совершается с целью нахождения на теле попавшейся ведьмы дьявольской печати; волосы зачастую ее скрывают. Это обривание делается «грязными людьми», например чистильщиками уборных, стригальщиками собак и т. п. Хирург после бритья ищет на теле арестованной «печати дьявола»; место это, потерявшее чувствительность, безкровное и совершенно своеобразное, хирургу нетрудно найти. И врачи иногда верили в существование «дьявольской печати», как это видно из сочинения знаменитого врача XVI века Амбруаза Паре.

инквизиция пала, и светское законодательство получило в наследство от нее преследование ведовства в силу Латеранского постановления 1514 г. Следуя ему, законодательство отдельных стран, уничтоживших инквизицию, сурово карало всякое проявление ведовства и колдовства, считая их исключительным видом преступления (*scimen exceptum*) и применяя к колдунам методы инквизиционного судопроизводства.

Возражения некоторых юристов о невозможности для светского суда руководиться в своей практике «невидимыми преступлениями», каковыми являются ночные полеты ведьм, оспаривались церковью на том основании, что уже давно доказана специфичность (*singularitas*) ведовских преступлений, требующих совершенно иного к себе подхода. И известный богословский писатель XVI века Варфоломей де Спино, говоря о том, что мужья летающих ведьм не только не подтверждают этих полетов, но утверждают, что их жены мирно спят рядом в ночи своих мнимых полетов, замечает, что «тут-то и проявляется дьявольщина, обманывающая мужа, рядом с которым лежит «подобие тела», принявшего образ жены обманутого мужа». Правда, старания инквизиторов увидеть воочию летающих ведьм ни к чему не приводили, хотя известно было, что полеты обычно происходили в ночь на пятницу и немало ревнителей чистоты религии караулили в эти ночи с целью поймать женщину на месте преступления, – но что же это доказывает? – спрашивает де Спино и тут же отвечает: «Разумеется – лишь необыкновенную силу дьявола». И светское законодательство покорно вписало в свои параграфы смертную казнь для колдовства и ведовства, являющихся исключительным преступлением и имеющих специфический характер. К этому виду преступления применяются инквизиционные методы, хотя сама инквизиция больше уже не существует во многих государствах, которые свято хранили ее память в своем законодательном кодексе. И великий юрист Иодокус Дамгудер, сын народа, возмущавшийся испанской инквизицией и боровшийся против католицизма, отдает силы своего таланта на то, чтобы доказать необходимость преследования ведовства со стороны светской власти и поет гимн великой книге Институтора и Шпренгера, стоящей на точке зрения компетенции светской власти в делах о ведовстве. Разумеется, взгляд авторов «Молота ведьм» о распространении гражданского суда на ведовские преступления встретил возражение со стороны тех стран, где сохранилась инквизиция и в новое время. Процессы эти были слишком лакомым куском для инквизиторов, чтобы можно было без борьбы от них отказаться, – и начались бесконечные споры со стороны инквизиторов Испании и Италии, доказывавших неотъемлемое право инквизиции на преследование ведьм.

Споры окончились удовлетворившим всех компромиссом. И светский, и инквизиционный суд преследуют преступления ведовства, и никто из них не может претендовать на монополию в этой области. Так, с XVI века на борьбу с ведовством одним и тем же судопроизводством выступала и церковь, и государство. Соперничество было велико, и количество жертв этого безумия было особенно велико в XVI и XVII веках, когда действовали заодно светский и духовный мечи.

Еще в 1781 г. была сожжена ведьма в Севилье – жертва была занесена в актив инквизиции, так как Испания в это время все еще знала инквизицию; но через год, в 1782 г., в Гларусе за такое же преступление была казнена девушка – на этот раз рукой светской власти, ибо Швейцария инквизиции не знала, и заслуга борьбы с дьяволом была отнесена на счет государства. Но в XVIII веке «великие» подвиги соперничавших между собою за славу расправы с дьяволом были уже на исходе. Мария Тереза в 1746 г. прекратила процессы против ведьм. Через год этому примеру последовал Вюртемберг, а в 1775 г. – Бавария. В год казни во Франции

Людовика XVI, в 1793 г., Познань отменила у себя процессы против ведьм.

Несмотря на свою огромную популярность, «Молот ведьм» не переводился на иностранные языки, и лишь в самое последнее время он появился на немецком языке в переводе Шмидта, причем перевод за короткое время выдержал три издания.

Предлагаемый первый русский перевод с латинского издания 1588 г. сделан Ник. Цветковым, причем в видах экономии места сокращены некоторые части, главным образом в последнем, третьем, разделе, носящем юридический характер и трактующем чисто практические вопросы процессуального свойства. Они мало характерны именно для данной книги и в значительной степени совпадают с теми описаниями инквизиционного судопроизводства и процесса, которые имеются отчасти и на русском языке в трудах Чарльса Генри Ли и С. Г. Лозинского.

Сокращение этих именно мест не нанесет ущерба русскому читателю, а из представленной ему целиком всей первой части и почти полностью второй он сумеет вынести точное и ясное представление о творчестве Инститориса и Шпренгера.

Проф. С. Лозинский

Часть первая. О трех силах, составляющих колдовство, а именно: о дьяволе, о колдуне и о божьем попущении

Вопрос первый Существует ли колдовство?

Является ли утверждение о существовании ведьм настолько католически правоверным, что упорное отрицание его должно считаться определенно еретичным?

1. Доказывают, что подобное утверждение не является католически правоверным. Канон *Episcopi* говорит: «Кто верит в возможность изменения какого-либо существа в лучшее или худшее состояние, или превращения его в другой вид, или в возможность придания ему другого облика без вмешательства Создателя, тот хуже язычников и неверующих». Если же говорят, что подобные превращения производятся ведьмами, то это не может быть католически правоверным и представляется еретичным.

2. Далее. На земле не существует колдовских действий. Доказательство: «Если бы такие существовали, то это было бы делом рук дьявола. Утверждать же, что бесы могут производить телесные превращения или им препятствовать, не является правоверным, так как в таком случае они могли бы разрушить весь мир».

3. Далее. Всякое изменение тела, будь то болезнь или здоровье, сводится к перемещению веществ в пространстве. Это явствует из физики. Сюда относится прежде всего движение светил небесных, но демоны не могут произвести этого движения (см. Послание Дионисия к Поликарпу), так как это доступно только богу. Отсюда ясно, что демоны не могут произвести никакого, по крайней мере фактического телесного изменения и что в силу этого подобные превращения должны быть приписаны какой-либо тайной причине.

4. Далее. Как дело божье, так и власть бога значительнее, чем дело и власть дьявола. Если бы на свете существовало колдовство, то это было бы делом рук дьявола в борьбе против власти бога. Как неправильно думать, что предположенная власть дьявола воздействует на творения бога, так и невозможно верить, что творения и дела бога могут быть изменены руками дьявола, как в отношении людей, так и животных.

5. Далее. Что подчинено телесным законам, то не обладает силой воздействия на телесные существа. Бесы подчинены силам воздействий. Это явствует из того, что некоторые заклинатели при вызывании бесов обращают внимание на определенное положение звезд. Отсюда следует, что бесы бессильны воздействовать на телесные существа. Еще меньше имеют эту возможность ведьмы.

6. Далее. Нам известно, что бесы действуют лишь через посредство искусственных мероприятий, а ими нельзя изменить действительного облика. Поэтому в главе *de mineris* и говорится: «Мастера алхимии знают о невозможности изменения обликов». Вот почему и бесы, которые работают искусственными средствами, не создают действительных свойств здоровья или болезни. Если же изменение здоровья имеет место, то это зависит от каких-либо других, скрытых причин, находящихся вне воздействия бесов и ведьм.

Однако *Decret. XXXIII*, вопр. I, гласит: «Если с помощью волхвований и чародейств, отчасти с божьего попущения и при посредстве сатаны» и т. д. Здесь дело идет о помехе, чинимой ведьмами супругам при выполнении ими своих супружеских обязанностей. Для этого необходимы следующие три силы: ведьма, дьявол и божье попущение.

7. Далее, более сильное может воздействовать на менее сильное. А сила бесов больше, чем всякая телесная сила. По этому поводу в книге Иова (гл. 41) говорится: «Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным».

Ответ. Здесь надо опровергнуть три еретических лжеучения. После их опровержения истина будет ясна. Следуя учению святого Фомы (IV dist., 24), где он говорил о вредительстве ведьм, некоторые пытались утверждать, что чародейства на свете не существует и что оно живет лишь в воображении людей, приписывающих махинациям ведьм естественные явления, причина которых скрыта. Другие признают существование ведьм, но полагают, что они своим колдовством действуют лишь на воображение и фантазию. Третьи утверждают, что чародейство – вообще фантазия, хотя бы дьявол и помогал ведьме.

Эти лжеучения будут в нижеследующем выявлены и опровергнуты. Что касается первого из них, то ученые, в особенности святой Фома, признают его защитников еретиками в полном смысле этого слова. Фома Аквинат говорит в указанном месте о противоречии этого лжеучения основным учениям святых и о том, что оно коренится в неверии. Ведь Священное Писание говорит, что бесы имеют власть над телесным миром и над воображением людей, если на то будет божье попущение. Это явствует из многих мест Священного Писания. Защитники указанного лжеучения утверждают не существование в мире колдовского действия, а признают лишь игру воображения в человеке. Они не верят в существование демонов, кроме как в воображении масс, которые и приписывают свои собственные лжеучения дьяволу. Разные облики, рисующиеся уму, возникают как плод сильного воображения. Человеку лишь кажется, что он видит бесов или ведьм. Все это противоречит истинной вере, утверждающей, что ангелы, низринутые с неба, превратились в бесов, что поэтому они, обладая большей силой, чем мы, могут также и достигнуть большего, и что те, которые им помогают в их делах, называются колдунами. Так там сказано. Так как неверие крещеного называется ересью, то таковой считается еретиком.

Два других лжеучения не отрицают бесов и их природной силы, но они несогласны между собою относительно чародейства и сущности ведьм. Одно из них признает необходимость участия ведьмы для колдовства, но отрицает реальность результатов этого последнего. Другое же лжеучение утверждает реальность порчи, но полагает, что участие в этом ведьмы только кажущееся. Оба эти лжеучения берут своей исходной точкой два места канона *Episcopi* (XXVI, 5), где порицаются женщины, верящие в свои ночные скачки с Дианой или Иродиадой. Вследствие того, что подобное происходит часто только в воображении, защитники этого лжеучения ошибочно думают, что так бывает со всеми другими действиями.

В том же каноне читаем следующее. Кто верит или учит, что какое-либо существо может быть превращено в лучшее или худшее состояние или его облик может быть изменен помимо Творца Вселенной, тот должен считаться неверующим и хуже язычника. Основываясь на том, что в каноне буквально написано: «или превращено в худшее состояние», защитники лжеучения и говорят об игре воображения, а не о действительности при околдовании.

Что эти лжеучения еретичны и противоречат здравому смыслу канона, будет доказано на основании божественного церковного и гражданского прав, – это вообще, а в частности – из толкования слов канона. Божественное право предписывает во многих местах не только избегать ведьм, но и умерщвлять их. Оно не предписывало бы таких наказаний, если бы ведьмы не были пособницами демонов при совершении действительных колдовских проступков. Ведь умерщвление тела обусловлено лишь телесным тяжким грехом, тогда как смерть духа может происходить вследствие наваждения или через искушение. Это мнение святого Фомы (2, dist. 7) по вопросу о том, считать ли грехом пользование услугами демонов. Второзаконие (18) предписывает умерщвлять всех колдунов и заклинателей; Левит (19) говорит: «Чья душа склоняется к магам и кудесникам и с ними блудит, против того хочу я поднять лик свой и низринуть из стада народа своего». Тоже и в гл. 20 говорится: «Тот

мужчина или та женщина, в которых пребывал пифонический или прорицательский дух, должны быть умерщвлены» (пифонами, как известно, называются те, через которых демон производит изумительные явления).

Вследствие этого греха погибли отступники Охозия и Саул (см. 2 книгу Царств, гл. I, и 1 книгу Паралипоменон, 10). Разве комментаторы божественного слова в своих сочинениях говорят что-либо иное по поводу власти дьявола и чародейства? Посмотрим произведения каждого из ученых. В «Сентенциях» мы найдем, что чародеи и ведьмы чрез посредство демонов с божьего попущения могут, несомненно, производить действительные, не воображаемые чародейства. Я не говорю уже о многих других местах, где св. Фома подробно говорит о подобных явлениях. Кн. 3, гл. 1 и 2, часть I, вопр. 114, арг. 4; II вопр. Пусть посмотрят также авторов постилл и глоссаторов о чародеях фараона. Исход 7, слова Августина в его «Граде божьем» (18, гл. 17), а также в его «Христианской доктрине». В таком же духе говорят и другие ученые, противоречить которым нелепо и еретично. Ведь недаром в каноническом праве еретиком называется тот, кто ложно толкует Священное Писание. Смотри по этому поводу 24, вопр. I *haeresis*: «И кто об этом другого мнения касательно веры, преподанной церковью...» Сравни также *qu. haec est fides*.

Противоречие этих лжеучений здравому смыслу канона явствует из церковного права. Так же и ученые канонисты в своих толкованиях главы *Si per sortiaris et maleficas artes* 24, *qu. I*, а равно и *De frigidis et maleficiatis* не хотят ничего другого, как объяснить препятствия к исполнению супружеских обязанностей, чинимые ведьмами и разрушающие уже заключенный или лишь заключаемый брак. Они говорят, как и св. Фома, что если в брак проникает колдовская порча еще до плотского соития, то она в случае длительности мешает заключенному браку и даже его разрушает. Само собою ясно, что подобное мнение канонистов не могло бы иметь места, если бы речь шла только о воображаемых воздействиях ведьм.

Следует сравнить Гостиенсиса в его *Summa soriosa*, а также и Гоффреда и Раймунда. Они нигде не ставили под сомнение вопрос о реальности чародейства и принимали его как нечто самой собою разумеющееся. А на вопрос, когда надо считать препятствия к исполнению супружеских обязанностей продолжительными, они указывают на трехгодовой срок. Они также не сомневаются в том, что эти препятствия в действительности причиняются или властью дьявола в результате заключения с ним ведьмой договора, или просто дьяволом без посредства ведьмы, хотя последнее весьма редко случается среди верующих, где таинство брака относится к заслугам. Это происходит чаще всего среди неверующих, так как дьявол замечает, что они по праву принадлежат ему. Так, Петр Палуданус в комментарии на 4-ю книгу «Сентенций» сообщает об одном мужчине, женившемся на идоле и желавшем, несмотря на это, иметь сношения с молоденькой девушкой, но не могшем этого совершить вследствие того, что всякий раз дьявол принимал на себя облик человеческого тела и ложился между ними. Среди верующих дьявол пользуется в таких случаях по преимуществу услугами ведьм для уловления душ. Как он это проводит и какими средствами, об этом будет речь ниже, именно там, где дело будет идти о семи приемах нанесения вреда человеку. То же самое вытекает также из других вопросов, затрагиваемых богословами и канонистами, когда они, например, говорят о том, каким образом чары могут быть устранены, или о том, позволительно ли прибегать к таким чародействам, которые парализуют действие уже насланной порчи, а равным образом и о том, как поступать, когда ведьма, насланная порчу, уже умерла. Об этом говорит Гоффред в своей *Summa*, о чем мы расскажем в третьей части этой книги.

Наконец, зачем нужно было канонистам столь рьяно предлагать различные наказания за чародейства, если бы последние были нереальны? Зачем также они различают между скрытым и явным грехом колдунов или, вернее говоря, кудесников (так как эти вредные учения имеют различные виды) и предписывают в случае его явности отлучение от причащения, а в случае скрытности – сорокадневное покаяние (см. *De cons., dist-2, pro dilectione*), в

случае волхования священника – его заточение в монастырь, а в случае проступков мирянина – его отлучение (вопр. 5 поп oportet), лишение их гражданских прав и возможности судебной защиты (вопр. 8 quisquis pes)?

Это явствует также из гражданского права Ацо (в своей сумме о 9-й книге «Кодекса», отдел о ведьмах 2 post 1. Cornelia de sicar et homicid): «Надо знать, что все те, которые называются в народе колдунами, а также и те, которые занимаются кудесничеством, заслужили смертную казнь» (I nemo c. de maleficis). Такое же указано наказание в I culpa I nullus. Эти законы гласят так: «Никому не разрешено заниматься кудесничеством, иначе свершит над ним смертную казнь мстящий меч». Далее там указывается: «Имеются и такие, которые вредят жизни набожных чародействами и совращают сердца женщин ко греховным утехам. Такие преступники бросаются на растерзание диким зверям» (Cod. c. I. multi). Законы предписывают далее, чтобы каждый допускался к возбуждению обвинения этих преступников, как это и находим в каноне c. in favorem fidei, lid 6 de haeresi. Там говорится: «К подобному обвинению допускается всякий, как и при обвинении в оскорблении величества». Ведь эти преступники оскорбляют до известной степени божеское величество. Они также должны пройти через предварительное следствие. Никакое положение и сан не могут защитить от этого. Чье преступление доказано, но кто, несмотря на это, отрицает свою вину, тот предается пыткам. Его тело разворачивается железными пыточными когтями, и он терпит, таким образом, соответствующее наказание за свои проступки (Cod. c. I, I si ex etc).

Прежде такие преступники предавались двоякому наказанию: смертной казни и разрыванию тела пыточными когтями или выбрасыванию на пожирание диким зверям. Теперь же они сжигаются, потому что эти преступники – женщины.

Всякое содействие им запрещено. В законе говорится: «Эти преступники не должны переступать порога чужого дома: кто их впустит, тому грозит сожжение имущества. Никто не имеет права их принимать и давать им советы. Виновные в этом ссылаются, и их имущество конфискуется». Здесь наказанием за помощь ведьмам служат изгнание и конфискация имущества. Когда проповедники оповещают народы и властителей земли об этих наказаниях, ими делается против ведьм больше, чем всякими другими ссылками на писания.

Кроме того, законы благоприятствуют тем, кто работает против ведьм. Смотри сочинения вышеуказанных канонистов: «Те же, которые защищают труд людей от уничтожения бурей и градом (насланными ведьмами), заслуживают не наказания, а вознаграждения». Каким образом можно воспрепятствовать этому вредительству, об этом мы скажем после. Нельзя отрицать все здесь сказанное или легкомысленно противоречить сему, не возбуждив против себя обвинения в ереси. Пусть каждый решит, извиняет ли его незнание. Какое же незнание служит основанием для извинения, об этом мы сейчас и поговорим.

Из всех предпосылок следует заключить, что католично и правомерно утверждение, что существуют ведьмы, которые с помощью дьявола в силу заключенного с ним договора и с божьего попущения могут совершать чародейства, что не исключает, однако, и того, что они способны морочить народ разными иллюзиями и обманом чувств. Вследствие того, что настоящий труд затрагивает реальные чародейства, значительно отличающиеся от воображаемых, то говорить о последних мы не будем. Ибо показывающие эти последние искусства называются вернее кудесниками и волхвами, а не ведьмами.

Как первое, так и два других раньше указанных лжеучения ищут свое основание в словах канона. Первое из них подрывает свою правильность уже тем, что противоречит словам Священного Писания. Выявим же здравый смысл канона и начнем с разбора лжеучения, гласящего, что средство, которым пользуются ведьмы, – фантастично, а внешний эффект – реален.

Здесь надо заметить, что существует 14 главных видов суеверия, привести которые нам время не позволяет. Они подробно указаны у Исидора Севильского («Этимология», 8) и у

Фомы (II, 2, 92). Мы о них упомянем ниже, когда будет речь о значении этой ереси и именно при разборе последнего вопроса этой первой части.

Тот вид, к которому надо причислить вышеуказанных женщин, называется пифонами; через их посредство дьявол говорит или совершает чудодейства. Часто этот вид ставится на первое место. Ведьмы же относятся к виду колдунов (*maliflci*). Они весьма различны, и нет необходимости тех, которые относятся к одному виду, причислять также и к другому виду. Канон говорит только о вышеуказанных женщинах, а не о ведьмах. Кто распространяет сказанное там на все виды суеверия, тот неверно понимает канон. Если эти именно женщины действуют только в воображении, то это не значит, что все ведьмы действуют таким же образом. Еще более искажается смысл канона теми, которые делают выводы, будто только в воображении они могут обворожить и наслать порчу или болезнь.

Эти лжеучители заслуживают тем большего порицания, что они признают внешнее действие, а именно действующего демона и действительную болезнь, но отрицают посредствующее орудие в лице ведьмы, тогда как средство всегда имеет свою долю участия в действии.

Здесь не помогает также утверждение, что фантазия является чем-то реальным. Ведь фантазия, как таковая, ничего не может достигнуть и при махинации демона не может быть использована. Даже при заключении договора с дьяволом, в каковом договоре ведьма отдается и обязывается на служение полностью и искренно и в действительности фантазия и воображение не играют значительной роли. Для исполнения договора ведьме необходимо телесно сотрудничать с дьяволом, а не в воображении. Ведьма и колдун употребляют при порче реальные, а не воображаемые средства: злой глаз, заклинания, замороженные предметы, подкладываемые под порог дома, и т. д.

Кроме того, если внимательно просмотреть текст канона, то можно найти там многое, что проповедники и священники должны энергично проповедовать в своих церквях народу. Во-первых, никто не должен верить, что, кроме бога, есть еще другое высшее и божественное существо. Во-вторых, скакать верхом с Дианой или с Иродиадой означает не что иное, как скакать вместе в дьяволом, который лишь принял другой облик. В-третьих, такая езда – плод игры воображения, когда дьявол настолько овладел умом подавшегося ему человека, что он принимает фантазию за действительность. В-четвертых, поддавшиеся ему люди должны ему во всем подчиняться. Поэтому нелепо распространять вышеуказанные слова канона на поступки ведьм вообще, так как существуют различные виды чародейства.

Вопрос о том, могут ли колдуны переноситься по воздуху действительно или только в воображении, как пифоны, будет рассмотрен в третьей главе второй части. Там будет указано, что они могут совершать и то, и другое. Таким образом будет устранено и второе лжеучение в разборе его оснований с точки зрения здравого понимания канона.

Так же и третье лжеучение, основывающееся на словах канона и утверждающее, что чары ведьм – лишь плод фантазии, отрицается действительным толкованием слов того же канона. Если там говорится: «Кто верит в возможность превращения какого-либо существа в лучшее или худшее состояние или изменения его облика кроме как самим Создателем, тот стоит ниже язычников и неверующих», то эти три пункта, взятые сами по себе, идут вразрез со Священным Писанием и с определениями ученых. Чтобы убедиться в том, что ведьмы способны создавать несовершенные твари, надо только посмотреть в каноне «*Nescitum*», а также в каноне «*Episcopi*» и в толковании Августина о кудесниках фараона, превративших свои посохи в змеи. См. также глоссу к Исходу 7: «Фараон призвал мудрецов...», далее – глоссу Страбона о том, что демоны, несутся по свету, как только ведьмы заклинаниями пожелают достичь чего-нибудь через них и начинают собирать различные семена, через употребление которых могут возникнуть разные твари. Смотри также Альберта Великого «О животных», далее св. Фому 1, 114, 4. Для краткости мы опускаем их рассуждения.

Надо лишь заметить, что у них под глаголом «*fieri*» (быть) подразумевается «быть созданным» (*procreari*). Во-вторых, надо принять во внимание, что единственно только бог в силу своей власти может превратить что-нибудь в лучшее или худшее состояние, и именно для исправления человека или в наказание ему. Это случается, однако, часто и через посредство демонов. О первом случае говорится так: «Бог милует и наказует», а также: «Я умерщвлю и я оживлю». Относительно же второго случая говорится: «Послание через злых ангелов». В указанном каноне «*Nec mirum*» обрати внимание на слова Августина, где ведьмам и их чарам приписывается не только насыщение болезней, но и смерти.

В-третьих, не мешает принять во внимание следующее обстоятельство: нынешние ведьмы, опираясь на власть демонов, зачастую оборачиваются волками и другими зверями. К тому же, и канон говорит о действительном превращении, а не о воображаемом, что также часто имеет место, о чем сообщает нам подробно Августин («О граде божьем», 18, 17) как, например, об известной волшебнице Цирцее, о сотоварищах Диомеда и об отце Престанция. На эту тему будет говориться в некоторых главах второй части, а также и о том, присутствуют ли или отсутствуют при этом ведьмы, принимает ли дьявол на себя их облик и представляется ли человек самому себе в этом новом облике.

Еретично ли признавать колдунов?

Так как вторая половина вопроса, стоящего в начале этой части книги, утверждает еретичность упорного отрицания существования ведьм, то можно спросить, считать ли этих отрицателей открыто пойманными в еретичестве или только стоящими под сильным подозрением еретичества? Нам кажется, что первое будет вернее. Ведь Бернард в своей *Glossa ordinaria* (*in cap. ad abolendam, § praesenti u vers, deprehensi*) говорит, что изобличение в ереси происходит трояко, а именно: 1) с личным, если обвиняемый открыто проповедует ересь, 2) через законное доказательство свидетелей и, наконец, 3) при собственном признании вины. Вследствие того, что подобные люди открыто проповедуют или открыто протестуют против всего вышесказанного, утверждая несуществование ведьм или их полную безвредность для людей, то их поэтому можно причислить к еретикам. В том же смысле говорит Бернард в глоссе к главе «*Excommunicamus*» касательно слова «*deprehensi publice*». Точно также решает вопрос канон «*Siubusdam extra de ver. sig.*». Пусть читатель посмотрит сам главу, и он увидит, что мы правы.

Однако наказание, диктуемое в таком случае каноном «*Ad adoleendam, § in praesenti extra de haer.*» и состоящее в лишении священнического сана для духовного лица и передаче мирянина светской власти (для смертной казни), представляется слишком строгим, принимая во внимание незнание и большое количество тех, которые будут изобличены в этом лжеучении. Из-за этого большого количества надобно смягчить строгость суда, следуя указанию *dist 40 ut constitueretur*.

Ответ. Мы намереваемся скорее найти проповедникам оправдание в таком пороке и такой ереси, чем их обвинять, как это и говорится в «*Extra de praesum. c. eitteras, § quodcirca mandamus*». К тому же мы не хотим, чтобы такой проповедник, несмотря даже на сильнейшее подозрение, был осужден за столь тяжкое преступление. Против такого столь сильно подозреваемого может быть начат процесс. Но он не должен быть непременно осужден. Так как мы не можем пренебрегать подозрением и именно вследствие их легкомысленных утверждений против истинной веры, то надобно исследовать степень подозрительности проповедника. Подозрение бывает троякое: слабое, тяжкое и очень тяжкое. См. по этому поводу главу «*Accusatus*» и главу «*sum Contumacia, lib VI, de haeret*», а также примечания Архидиакона и Иоанна Андреаса о гл. «*Accusatus*» и о слове «*vehemens*». О подозрении – гл. «*Litteras*». Об очень сильном подозрении говорится в каноне *dist, 24 quorundam*. Поэтому надо исследовать, под какое подозрение подпадает такой проповедник. Проповед-

ники, высказывающие еретичные утверждения, не могут быть взяты под одну мерку. Одни из них говорят по своему незнанию божественного права, другие, достаточно просвещенные, колеблются, нерешительны и не хотят полностью согласиться. Ошибочность мнения еще не делает еретиком, если к нему не присоединяется закоснелость воли. Поэтому нельзя говорить об одинаковой степени подозрения в преступлении ереси. Если подозреваемые полагают, что они вследствие своего незнания могут отделаться от суда, то они должны все-таки признать, сколь тяжек грех тех, которые провинились ради этого незнания. Ведь как бы незнание не было многообразно, однако оно не может считаться у духовных пастырей непреодолимым незнанием. Оно не может быть названо и частичным незнанием (как говорят философы), которые у богословов и юристов носит название «*ignorantia facti*». Их незнание того из божественного закона, знание которого обязательно для каждого из них. См. *dist.* 43 папы Николая: «Сеяние небесного семени дано нам; горе нам, если мы его не сеем; горе, если мы молчим». Они ведь должны знать Священное Писание (ср. *dist.* 36 *per totum*) и об опеке душ паствы (*ibid.*, с. 2, *esse u. si quis vult*). Пусть даже и не требуется от них громадных познаний, как говорят Раймунд, Гостиенсис и Фома. Но требуются достаточные знания, необходимые для исполнения своих обязанностей.

Можно прибавить для их некоторого утешения следующее: если они только станут в будущем распространять верное учение вместо прежнего ошибочного, то их незнание правовых вопросов, будь оно с умыслом или без такового, все же может быть названо незлостным. Собственно говоря, первый из названных видов незнания не оправдывает, а осуждает. Ведь псалмопевец говорит: «Не хочет он вразумиться, чтобы делать добро». Второй же вид смягчает грех, так как он происходит тогда, когда человеку указывается знать что-либо, но он не знает, что это ему указывается. Так было, например, с апостолом Павлом. Об этом сказано в I послании к Тимофею (1): «Мне было оказано милосердие, потому что я поступал по неведению в неверии». Вследствие того, что данное лицо по деловой обремененности не заботится о приобретении необходимых познаний, несмотря на предупреждения, и приобретать их не хочет, то это его только частично извиняет. Сравни Амвросия Медиоланского в его толковании текста Послания к римлянам: «Не знаешь ли ты, что благодать бога ведет тебя к раскаянию?». Амвросий там говорит: «Ты тяжело грешишь, если ты очень много не знаешь. Поэтому теперь, в особенности в наше время, мы хотим, приходя в момент опасности на помощь душам, рассеять незнание и иметь всегда перед глазами суровейший суд, который нам предстоит для того, чтобы гордое незнание не взяло над нами верх». В своих «*Flores regularum moralium*», правило второе, Канцелярий говорит, что подлежащее наказанию незнание божественного права не ставится в вину тому, кто сделал все от него зависящее для избежания этого незнания. Это происходит потому, что Святой Дух готов преподавать такому человеку прямой, истинный путь спасения.

Относительно первого аргумента здравый смысл канона дает ясный ответ.

Относительно второго аргумента Петр Тарантасийский говорит следующее: «Из-за великой своей зависти, в своей борьбе с человеком, дьявол уничтожил бы все, если бы было божье попущение». Но бог ему одно позволяет совершать, другое – не позволяет. Это причиняет дьяволу большой позор и недовольство, так как бог во всем пользуется им для откровения своей славы против воли дьявола.

Относительно третьего аргумента можно сказать, что болезненному изменению тела или другой какой-либо порче предшествует некоторое перемещение в пространстве. Ведь демон, побужденный ведьмой, собирает известные активные свойства, могущие вредить, и их комбинируют с пассивными, чтобы возбудить боль, порчу или другие мерзости. На вопрос о том, происходит ли это перемещение в пространстве в зависимости от течения небесных светил, надо ответить отрицательно, так как это перемещение приводится в движение не природною силою, но природным послушанием демону, имеющему власть над

телями. Его же власть над ними лежит в его природе. Это не значит, что он может придавать материи существенные или случайные изменения без помощи другой естественной причины. Но он может с божьего попущения производить перемещения вещей и через их соединение причинять боль или производить иные подобные изменения свойств. Поэтому колдовство зависит от небесных движений столь же мало, как и сам демон, хотя бы он и имел власть над указанными вещами и орудиями.

К четвертому аргументу надо сказать следующее. Творения бога могут пострадать от козней дьявола, как, например, при чародействе. Но это возможно лишь с божьего попущения. Поэтому дьявол не сильнее бога. К тому же он не может действовать насильем, иначе он мог бы все разрушить.

В-пятых. Известно всем и каждому, что небесные светила не обладают властью воздействия на демонов. Но эти последние все же вызываются кудесниками при известном положении звезд. Это происходит по двум причинам. С одной стороны, колдуны знают, что определенное расположение звезд благоприятствует действиям, которые они намереваются произвести. С другой стороны, они вопрошают светила, чтобы совратить людей к почитанию звезд, как к чему-то божественному. Из этого почитания возникло некогда идолопоклонство.

Наконец, в-шестых, относительно значения аргумента о золоте алхимиков надо сказать, согласно учению святого Фомы (2, 7), следующее. Если даже некоторые субстанциальные формы могут быть искусственно созданы с помощью естественного двигательного начала, то это не имеет общего распространения, так как не всегда возможно соединять активные начала с пассивными. Это искусство может создавать только нечто сходное. И алхимики производят нечто похожее на золото, нечто обладающее его внешними свойствами. Но они не производят настоящего золота. Ведь субстанциальная форма золота происходит не от жара огня, употребляемого алхимиками, а от жара солнца на определенном месте, где действует сила минерала. Так же обстоит дело и с другими подобными действиями алхимиков.

К существу. Демоны пускают в ход чародейное искусство и не могут поэтому без помощи действующего начала создать субстанциальную или акцидентную форму. Этим, однако, мы не хотим сказать, что колдовство вообще не может происходить без помощи другого действующего начала. И с этой помощью действующего начала им становится возможно вызывать действительные болезни и порчи. О том, что же необходимо для совершения такого чародейства, и должны ли здесь участвовать демоны, станет ясно из нижеследующего.

Второй вопрос

Действует ли дьявол совместно с колдуном?

Правомерно ли утверждать, что для чародейства дьявол должен всегда действовать совместно с колдуном или один независимо от другого (например, дьявол без колдуна или наоборот) может произвести подобное действие?

1. Августин (83 вопроса) утверждает следующее относительно действий дьявола без посредства колдуна. Все, что совершается зримо, может совершаться также через посредство низших сил воздуха. Но телесные порчи не бывают незримы; они ощутимы. Поэтому они могут причиняться и демонами.

2. Кроме того, вред, нанесенный, согласно Библии, Иову (и огонь, упавший с неба, и рабы, уничтоженные вместе со стадами овец в одно мгновение, и ураган, разрушивший дом и убивший детей), был делом рук дьявола без помощи ведьмы, но с божьего попущения. Так же обстояло дело и с семью мужьями девственницы Сарры, умерщвленными демоном.

3. Далее. Все то, что возможно совершить более высокой силе, достигается ею без помощи всякой какой-либо иной силы. Более высокая сила не нуждается в низшей силе. Низшая сила может сама по себе производить град и возбуждать болезни. Ведь Альберт Великий в своем сочинении «О свойстве вещей» говорит, что сгнивший шалфей, положенный особенным образом в колодец, вызывает удивительные бури в воздухе.

4. Далее. Если говорят, что демон практикует чародейство не из потребности, но для гибели тех, кого он ищет, то это противоречит Аристотелю. В своей «Этике» Аристотель говорит, что злые поступки совершаются добровольно. Это он доказывает тем, что никто добровольно не делает несправедливостей, если он не имеет желания сделать несправедливость. И никто не занимается развратом, если он не стремится в невоздержанности. Поэтому-то законодатели и наказывают злых. Ведь эти последние, собственно говоря, делают зло добровольно. Если же дьявол с помощью ведьмы делает что-либо дурное, то он поступает с ней как со своим орудием. И так как орудие зависит от воли работающего им мастера и не имеет самостоятельной воли при такой совместной работе, то и действия его нельзя приписывать ему и, следовательно, наказывать его за это.

Возражая против этого, скажем следующее. Дьявол ничего не может предпринять без ведьмы. Вначале укажем общее основание. Каждое действие происходит через прикосновение. Так как демон к телам вовсе не прикасается, не имея с ними ничего общего, то он нуждается здесь в орудии, которому он передает вредительскую силу через свое прикосновение. Что чародейства возможны и без помощи дьявола, это доказывается глоссами и текстом Послания к галатам, гл. 3: «О, неосмысленные галаты! Кто околдовал вас, чтобы вы не слушались правды?» Глосса дает объяснение, что некоторые могут сплзнуть ближних и, главным образом, детей. На эту же тему говорит Авиценна («О природе», кн. VI, 3 поел, гл.): «Часто душа влияет на чужое тело, так же, как и на свое собственное, как, например, при воздействии дурным глазом». Так же думает Алгацель («Физика», кн. 5, гл. 10).

Авиценна полагает, что сила воображения может и без посредства дурного глаза воздействовать на чужие тела, при чем он дает понятию воображения слишком расширенный смысл. Мы понимаем под ним не особую силу, отличную от разума, представления и суждения, а такую силу, которая охватывает все эти внутренние способности. Не подлежит сомнению, что сила воображения может воздействовать на тело. Возьмем хотя бы следующий случай: человек легко может пройти, не падая, по балке, лежащей на дороге. Если же эту балку положить над глубокой водой, то человек не так легко решится пройти по ней, так как его душа будет находиться под сильным впечатлением возможности падения, что парализует его тело и его силу. Здесь имеется точка соприкосновения с дурным глазом, поскольку про-

исходит особое воздействие на тело. В данном же случае воздействие происходит на свое собственное тело.

Неверно утверждение, что подобное воздействие исходит только от живого тела, и именно из души на чужое тело. Ведь в присутствии убийцы кровь начинает течь из ран убитого. Тела могут, значит, и без посредства души производить удивительные явления. С другой стороны, человек, проходящий около убитого, не может удержаться от содрогания, даже если он мертвеца и не видит.

Естественные явления имеют также особые, от человека скрытые силы, как, например, притяжение железа магнитом и прочее подобное, приводимое Августином в его «О граде божьем».

Так же и женщины могут с помощью определенных приемов воздействовать на чужие тела и производить изменения их без участия дьявола, что для нашего разума не совсем понятно. Но это непонимание не должно заставлять нас приписывать подобные воздействия дьяволу, как бы говорящему из женщин.

Кроме того, ведьмы пользуются изображениями и орудиями, подкладываемыми под пороги входных дверей или в определенных местах, куда заходят животные или люди, которые таким образом околдовываются и, случается, умирают. Доказательством тому, что здесь мы имеем дело с околдованием в связи с течением светил, служит следующее. Как естественные, так и искусственные тела находятся под влиянием тел небесных. И естественные, и искусственные тела могут получать от последних скрытые свойства. Отсюда ясно, что эти свойства могут быть здесь использованы дьяволом.

Далее. Если истинные чудеса возможны через посредство естественных свойств лиц, действующих в этой области, то и сила природы может производить чудесные и изумительные явления. Об этом говорил Григорий Великий («Диалоги») следующее: «Святые совершают чудеса частью молитвой, частью своей силой». В доказательство он приводит случай с апостолом Петром, молитвой пробудившим от смерти усопшую Тавифу, и проклятием, а не молитвой вызвавшим смерть солгавших Анании и Сапфиры. Значит, человек может силою своей души преобразовывать состояние материи или вызывать появление болезни у здоровых, или наоборот.

Далее. Человеческое тело – совершеннее всякого другого тела. Под влиянием впечатлений человеческой души человеческое тело изменяется и становится то холодным, то горячим, как это замечается у гневливых, а также боязливых людей. Эти изменения могут даже привести к болезням и смерти. Душа же и сама по себе, без посредства внешних впечатлений, может воздействовать своей силой на материю.

Но могут возразить, что субстанция духа не дает возможности создания другого облика, если не участвует другое действующее начало, как это и было указано выше. Поэтому Августин в вышеприведенном месте и говорит: «Нельзя верить, что материя видимых предметов легко повинуется падшим ангелам; она повинуется только богу». Тем менее способен человек из самого себя совершить колдовские действия.

Ответ. Нет недостатка в людях, извиняющих ведьм и обвиняющих только демонов или объясняющих их деяния естественными превращениями. Ошибочность этой точки зрения будет в нижеследующем доказана. Прежде всего коснемся ведьм. Исидор Севильский («Этимология», VIII) говорит, что название ведьм происходит от их тяжких преступлений. Они производят смешение элементов с помощью демонов и этим вызывают град и бурю. Они же приводят в замешательство дух человеческий, т. е. наводят на людей сумасшествие, ненависть и туманящую разум любовь. Они же, даже без помощи яда, но силой своего заклинания, уничтожают душу. Об этом трактуют: 26, вопр. 5, глава *pestigum*, а также Августин в своем «О граде божьем». Там говорится, что маги, называемые в просторечии колдунами,

смущают элементы, вызывают сумасшествие у маловерующих и силой заклинаний уничтожают людей. Поэтому Лукан говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 89,90р. (на 07.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.